

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

КОНТРФЕВРАЛЬ

Дмитрий Аркадьевич Зурков
Игорь Аркадьевич Черепнев
Контрфевраль

Серия «Бешеный прапорщик», книга 8
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598111

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев. Бешеный прапорщик: Контрфевраль:

Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117642-6

Аннотация

Февраль, 1917 год... Роковой месяц рокового года, ставший началом гибели Российской империи и братоубийственной гражданской войны... Можно ли остановить смертельную лавину кровавого хаоса, заботливо взлелеянного заграничными «друзьями»?..

Можно! Именно поэтому Особый корпус генерала Келлера прибывает в Петроград. И капитан Гуров со своим 1-м Отдельным Нарочанским батальоном специального назначения – тоже. И горе тем, кто встанет у них на пути...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	74
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев Бешеный прапорщик: Контрфевраль

© Дмитрий Зурков, 2019

© Игорь Черепнев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Дмитрий Зурков

Родился 22 марта 1965 года в г. Гомеле. В 1984 году поступил в ВИКИ им. А. Ф. Можайского, проходил службу в частях Военно-космических сил РФ. В 1999 году уволился в запас в звании майора и вернулся в Беларусь. В настоящее время преподает в колледже.

Игорь Черепнев

Родился 25 ноября 1962 года в семье кадрового офицера. В 1979 году поступил в Харьковское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. Маршала Советского Союза Н. И. Крылова. Служил на инженерных, научных и научно-педагогических должностях. Участвовал в подготовке пусков РН космического назначения на космодроме Байконур. В октябре 2005 года ушел в запас в звании подполковника. Увлечения: поэзия, ЧГК, военная история.

Не женат.

Авторы искренне благодарят участников форумов «*В Вихре Времен*» и «*Самиздат*», кто помогал советами и замечаниями и без чьей помощи книга не получилась бы такой, как она есть, и особенно: *Светлану, Екатерину и Илью Полозковых, Элеонору и Грету Черепневых, Ольгу Лащенко, Анатолия Спесивцева, Владимира Геллера, Игоря Мармонта, Виктора Дурова, Виталия Сергеева, Александра Колесникова, Владимира Черменского, Андрея Метелёва и Валерия Дубницкого.*

Глава 1

Мы едем, едем, едем в далекие края... В очень далекие, аж в саму Сибирь. В составе комиссии по проверке исполнения мобилизационных планов. Как там, в той пословице? Соловей берёт качеством, а воробей – количеством? Так и у нас. Вместо того чтобы уже призванных готовить как следует, сначала набирали молодых неотёсанных лопушков, теперь гребём чуть ли не сорокалетних ратников запаса, не знающих подчас, где у них правая нога, а где левая, и давно уже не думающих ни о чём, кроме своей большой семьи и очень небольшого хозяйства. Сгоняем их в запасные батальоны... и не готовим ни к чему, кроме как есть начальство глазами, изображать в меру способностей солдатушек – бравых ребятушек и топтать плац. А потом – в окопы, Веру, Царя и Отечество защищать в меру способностей и желания, которого, правда, давно и в помине нет. В Питере вон запасные батальончики зачастую уже даже не двойного, а тройного состава.

Ну, и мы решили не отставать от моды. Перед отъездом пришел официальный приказ Ставки о разворачивании 1-го отдельного Нарочанского в батальон двойного состава, великий князь Михаил Александрович постарался. Так что часть последнего потока «курсантов» рискует остаться в постоянном составе, но только лучшие из лучших. Да и так людей ис-

кать надо, с чем, собственно, и едем. Вон тот же Гордей, читающий у окна «Капитана Сорви-голова», рассчитывает поднять в Томске свои давние охотничьи связи и заполучить себе во взвод ещё несколько снайперов. И едет-то не один, Семён тоже с нами, соединяет полезное с приятным. То бишь и со стрелками толковыми поговорить, и семью с собой в Москву забрать. Благодаря совету Фёдора Артуровича после того боя не списали его подчистую, а отправили в бессрочный отпуск по состоянию здоровья, и пришлось сибиряку нашить на погоны по две лычки черного басона. Зато теперь не абы кто, а подпрапорщик Игнатов едет по делам, снабжённый грозной бумагой из Собственной Его Величества канцелярии (Келлер всё же договорился с Танеевым, или кто там у руля) и приличной суммой на случай, если эта бумага не подействует...

Вообще даже не предполагал, что чтение будет так заразно. После экспресс-обучения грамоте для сдачи экзаменов на прапора почти все новоиспеченные их благородия ударились в литературу. В ход пошли все книги, до которых их цепкие ручки смогли дотянуться, пришлось даже в канцелярии освободить один шкаф специально под библиотеку. Причем книги оттуда видел и у простых бойцов. За теми же дневальными в ночное время этот грешок давно уже тянется, несмотря на угрозу жесточайшей кары в виде почти дословного пересказа прочитанного... До Толстого и Достоевского, правда, еще не доросли, включая и командира батальона. Ну

не люблю я их ещё со школы! Сами посудите, можно ли в шестнадцать лет осмыслить философскую величавость Льва Николаевича или психологические пассажи Федора Михайловича. Что же касается моих орлов, они уже давно поняли, что тварями дрожащими не являются и право имеют. Почти на всё.

Вот и сейчас купе больше похоже на читальный зал. Ещё двое увлечены Пушкиным, один читает «Сказки», другой по самые уши погрузился в «Руслана и Людмилу». Это они уже поменялись книгами. Котяра, решив соригинальничать, выбрал «Кому на Руси жить хорошо» и сейчас сравнивает свои жизненные воззрения с некрасовскими. И, насколько я знаю, в чемоданах ждут своего часа еще с десятков книг. В соседнем купе такая же беда, народ во главе с Остапцом уткнулся в книжки, коротая время в дороге. Я тоже не отстаю от коллектива, только вот литература у меня больно специфическая, и поэтому обложки обернуты газетами. Сейчас перечитываю «Манифест Коммунистической партии» господ Маркса и Энгельса. Потом на очереди – «Капитал» и прочие мыслезавихрения. А заодно «Марксизм и национальный вопрос» самого товарища Джугашвили изучить не мешает, к красноярской встрече подготовиться заранее...

Томск!.. Приехали!.. Поезд медленно подтягивается к приземистому вокзалу, и паровоз с громким «Фух-х-с-с» и последовавшим лязгом буферов останавливается окончательно. Выходим компактной группкой на заснеженный пер-

рон, с удовольствием вдыхая морозный воздух после духоты вагона, и я шагаю к вагону первого класса, где ехало высокое начальство, чтобы получить последние цэу. Чиновникам сразу было доходчиво доведено, что мы, хоть и входим в состав комиссии, но едем со своей особой задачей, а посему трогать нас не могли.

Ничего особенного нам сказано не было, посему командирским решением переносу представление уездному воинскому начальнику на завтра, всё же не хочется в шесть вечера отрываться всеми уважаемого полковника Соколовского от ужина в кругу семьи. Размещаю своих прапоров в близлежащей гостинице, договариваемся о завтрашней встрече и, взяв извозчика, еду домой, с удовольствием слушая давно забытый скрип полозьев по укатанному снегу...

Первым меня встречает наш дворник, старающийся сквозь плотные уже сумерки разглядеть, кого там принесла нелегкая на ночь глядя.

– Потапыч, старина, здравствуй!

– ...Хосподи... Кто ж то?.. – Старик, подслеповато прищурившись, оглядывает меня с ног до головы. – Никак Денис Анатолич пожаловали?..

– Он самый, Потапыч, он самый.

– А и не узнашь сразу-то! О, каков-то орёл вымахал! Видать, и в чинах немаленьких? – Старый солдат, разглядев мои погоны и георгиевскую ленточку на второй петличке, вытягивается во фрунт, беря лопату для снега в положение

«К ноге». – Здравия желаю, вашвысокбродь!..

– Да полно тебе, старина! – От накатившего избытка эмоций приобнимаю его за плечи. – Мои родители дома?

– Дома, как есть дома, гости у них. Важный такой барин с супружницей и ешо один поп...

Поднимаюсь по знакомо скрипящему крыльцу. Знакомо – потому что воспоминания Дениса-первого давно уже растворились во мне без остатка и их я воспринимаю как свои собственные. Прохожу по коридору, останавливаюсь у двери и два раза кручу барашку звонка, как того требует надпись «Прошу повернуть» вокруг неё. Раздается приглушенное звяканье, чуть позже слышны шаги, дверь открывается, и незнакомая молодуха в переднике горничной внимательно смотрит на меня, потом освобождает проход.

– Проходите, вашбродь. Как про вас доложить?

– Добрый вечер, любезная...

– Денис?! Боже!.. Ты как здесь?.. Откуда?.. – В дверях появляется мама, от неожиданности застывающая на месте. Впрочем, замешательство длится не более секунды, она бросается ко мне, я тоже делаю шаг навстречу, обнимаю её и чмокаю в щеку.

– Здравствуй, мама!.. Вот, с оказией в гости приехал...

– Ну скажешь тоже! К себе домой – и в гости!.. Анечка, это мой сын, Денис Анатольевич. Прими шинель, пожалуйста. И, будь любезна, поставь еще один прибор на стол... У нас сегодня гости, папины знакомые, наверное, важные для

него... Да ты их ещё не знаешь... Ты с Дашей приехал?.. Ой, что я говорю, на кого же она малышку оставит? – Мама с подозрительно заблестевшими глазами тараторит, не переставая. – А так хочется на внучку посмотреть!.. Ну, проходи же, проходи...

Шинель и папаху у меня забирает горничная Анечка, шашку, не доверяя женским рукам, вешаю сам, привожу себя в порядок и вместе с мамой захожу в комнату.

– Анатолий!.. – Мама окликает отца, увлечённо о чем-то спорящего с каким-то господином.

– ...Денис, ты?! Вот так сюрприз!.. Позвольте представить вам моего сына. – Папа приходит в себя быстрее. – Ты какими судьбами здесь?..

– Здравствуй, папа! Добрый вечер, дамы и господа! – По привычке щёлкаю каблуками. – Приехал в командировку.

– Михаил Георгиевич Курлов, профессор, преподаю в Императорском университете, – представляется осанистый бородатый господин. – А это – моя супруга Александра Алексеевна.

– Денис Анатольевич Гуров, капитан, командую батальоном. – Пожимаю протянутую руку и делаю короткий поклон мило улыбающейся даме.

– Отец Димитрий, – представляется батюшка, также желающий поручкаться, глядя через очки на меня умными глазами.

– А что за командировка? – Папа продолжает расспросы. –

Если это не военная тайна, конечно.

– Не тайна. Инспекция исполнения планов очередной мобилизации... Спасибо, мама, я не голоден, но вот от горячего чаю не откажусь. – Приземляюсь за стол возле только что поставленного столового прибора. – Успел отвыкнуть уже от сибирских морозов.

– Анечка, подай, пожалуйста, чай. – Мама окликает не успевшую исчезнуть служанку.

– Ох уж эти мобилизации. Всё берут и берут. Скоро одни бабы с детишками останутся. – Со вздохом подает голос Александра Алексеевна. – Вот и наш Вячеслав тоже хочет идти воевать, никак не можем отговорить. С его-то здоровьем...

– Поймите правильно тревогу любящей матери, господа. – Неуклюже спешит загладить неловкий момент Михаил Георгиевич. – Он действительно не перенесет окопной жизни – от рождения очень слабые легкие... Не чета вам, Денис Анатольевич. Вы – герой и храбрец, образец для подражания.

– А два года назад был совсем другим, – горделиво замечает отец. – Прочили ему научную стезю, а он возьми, да и подайся в школу прапорщиков. Мы, конечно, были против, но он и слушать ничего не желал. И, что удивительно, оказался прав. Дослужился до капитанских чинов, Георгиевский кавалер.

– Да и Владимир на шее о многом говорит. – Курлов рад смене темы и обращается к супруге: – А говорит сие, моя

дорогая, что Денис Анатольевич уже награждён всеми положенными по чину орденами. Что же вы такого геройского сотворили? А, господин капитан?

– Просто воевал, Михаил Георгиевич, как и все.

– Денис, не скромничай. Помните, господа, случай с неудачным похищением великой княжны? – отец, довольно улыбаясь, начинает меня рекламировать. – Так вот, солдатами, которые отбили Ольгу Николаевну, командовал он!

Ага, вот она, минута славы... И отцовской гордости за сына... Гости в некотором шоке, пауза затягивается, надо переключать внимание.

– Папа... Ну, повезло, улыбнулась Фортуна. Что тут такого особенного... Кстати, я своим появлением вашей дискуссии не помешал? Вы о чём-то так горячо спорили...

– А вот мы тебя сейчас в неё и вовлечем. Ты же в столицах обретаешься, должен знать побольше, чем мы в нашей глухомани. – Отец понимает, что дальше тему развивать не следует. – Мы тут обсуждали последнее выступление господина Милюкова в Думе.

– ...Возможно, на этот раз вы знаете больше, чем столичный обитатель, – растерянно пытаюсь хоть что-то выдать из себя. Потому что, когда уезжал, ни о чём таком не слышал.

– Ах да, ты же в дороге был... – Папа берет со стола несколько машинописных листочков и протягивает мне. – Возьми, ознакомься с... шедевром...

Так, смотрим и удивляемся... Ага... Ну да, как же... И

даже вот так!.. А вот и главная мысль... Угу, а мордочку вам, господин Милюков, вареньицем не намазать?.. Короче, всё понятно, третий звонок, имеющий уши да услышит...

– Ну как тебе? Каково, а? – Отец нетерпеливо ждёт моей реакции. – Министр – почти что германский шпион! И в армии до сих пор полно немцев! Вон тот же адмирал Эбергард, например!

– Папа, что касается адмирала, то он – не немец, а швед, причем семья не первое поколение служит России. Ну, пришёл на его место русский Колчак, и что? Что-то изменилось?.. Абсолютно ничего. – Про то, что должно было произойти с «Императрицей Марией» при этом русском, пока помолчим, история ещё не закончилась. – А что касается Милюкова... Господин депутат уже не стесняется в выражениях... Где же это было... Ага, вот, про кабинет министров: «...их сознательная готовность выполнить программу большинства Государственной Думы и их обязанность опираться не только при выполнении этой программы, но и во всей их деятельности на большинство Государственной Думы». А большинство в Думе у нас кто?.. Если убрать патетику и словесную шелуху, то в двух словах это будет выглядеть так: «Дайте нам власть в стране!»

– Вот и я вам об этом толкую, Анатолий Сергеевич, – поддерживает меня Михаил Георгиевич. – Основная опасность – в них, а не в мифических или даже реальных шпионах. Последними занимаются жандармы и, как говорят, контрраз-

ведка. А вот за нашими заводчиками да фабрикантами-капиталистами никакого присмотра. Как же, уважаемые люди!.. Вон, далеко ходить не надо, на днях в «Сибирской жизни» писали, что в Петрограде арестованы крупные сахарозаводчики Добрый, Бабушкин и Гепнер, прибывшие на совещание по вопросу сахарного кризиса... Только их заводы производят до двадцати восьми миллионов пудов сахара в год! А мы при всём при этом на карточки переходим, вот-с! Куда все эти пуды подевались? Прячут же, мерзавцы, хотят цены вздуть!

Ну это не совсем так. Воронцовское ведомство и «сочувствующие лица» давно уже взяли на карандаш этих уважаемых, и вот десять дней назад операция «Горький мёд» успешно началась. Там не выжидание выгодной цены, там поставки на экспорт были. Стокгольмским фирмам, почти открыто имеющим германский капитал. Хорошая вещь – нейтралитет, блин!.. И эта сладкая троица – первая ласточка, на подходе торговцы хлебушком. Но широкой публике об этом пока знать необязательно...

– И всё-таки я считаю, что германцы для нас опасней, – продолжает спорить отец. – У них более развитая экономика, хорошо обученная армия... Денис, да сам всё это знаешь. Вспомни, что ты рассказывал про наших новобранцев... Тевтоны уже захватили огромную территорию и вполне способны двигаться дальше.

– Папа, прости, но германцы выдохлись и вряд ли смо-

гут дальше изображать активность. Только недавно закончилась битва на Сомме, в которой они потеряли полмиллиона солдат. Вдумайся в цифру – более пятисот тысяч человек! Помимо этого в самой Германии давно уже затянули пояса дальше некуда. Я видел их «железный паёк»... Те консервы, которые немецкие солдаты таскают в своих ранцах. Кормовая брюква в вареном виде, колбаса из гороха и сухожилия в собственном соку. Они долго не протянут. Какая бы экономика у них ни была, без сырья им конец, и оккупированные территории вряд ли помогут. А вот что касается господина Милюкова и иже с ним – эта угроза серьезней. Это уже не народовольцы с бомбами и социалисты с револьверами. И они, уже никого не стесняясь, рвутся к власти. Мало им денег, хочется ещё больше.

– Да, но именно они спасли положение, сумели наладить снабжение нашей армии всем необходимым. При бездействии всех министерств, между прочим. – Папа упрямо продолжает гнуть своё.

– Немного не так. Сначала они саботировали вплоть до организации забастовок на заводах выполнение военных заказов, одновременно крича во всё горло о неумении властей обеспечить снабжение. Кстати, оттуда же растут ноги у всех раздутых газетами историй с германскими шпионами. Теперь же, почувствовав свою силу и незаменимость, они уже диктуют условия власти. Причем с самого начала неприемлемые условия. Министров назначает император или в дан-

ный момент – регент. Вот и получаем конституционную монархию, где у монарха власть исключительно номинальная и церемониальная. А реально страной править будут они. И порядки устанавливать те, которые им нравятся.

– Анатолий Сергеевич, а ваш сын неплохо разбирается в политике, – замечает профессор.

– Да, ныне молодежь политикой увлекается, модно это сейчас, – подаёт голос молчавший доселе батюшка. – Только по юношескому неразумению не могут распознать козней врага рода человеческого...

– Да, Дмитрий Никанорович, наслышан о вашем... происшествии. – Собеседник поворачивается к священнику, затем объясняет нам: – Неслыханное дело! Отец Димитрий – профессор кафедры богословия, преподаёт в нашем университете. Так вот позавчера студенты сорвали лекцию, свистели, топали, в общем, вели себя абсолютно вызывающе.

– Что же послужило причиной инцидента? – интересуется отец.

– Да вот эти самые листки и послужили. Они горячо обсуждали эту речь перед началом лекции. Я попросил их успокоиться и с должным уважением высказываться о помазаннике Божьем. А в ответ такое началось... Сам виноват, прости меня грешного, Господи, не смог должных слов подобрать, дабы быть услышанным...

Ха, как весело!.. Так, папа гостей не просто так позвал, я думаю, зачем-то они ему нужны. Значит, будем помогать в

меру способностей...

– Простите, отец Димитрий, не сочтите за нахальство. Могу ли я помочь в этом деле? Коль не воспринимают нормальную речь, может быть, армейский лексикон будет более доходчив?..

– Денис, фу, как ты можешь?! – возмущается мама. – Ты же интеллигентный человек!..

– Мама, клянусь, – ни одного плохого слова! Всё будет абсолютно вежливо и интеллигентно... Ну ты же меня знаешь!..

Мама с сомнением качает головой, а батюшка, внимательно поглядев на меня, согласно кивает.

– Благодарю вас, Денис Анатольевич, за предлагаемую помощь. Надеюсь, вместе сможем наставить их на путь истинный...

– Так, господа, вы не забыли, что в вашем обществе находятся дамы? – Мама решает прекратить споры. – Забудьте свою политику!.. Денис, расскажи лучше, что нового в Москве? Говорят, Шаляпин блистает, дает концерты с новым репертуаром, ударился в народничество, но имеет бешеный успех. Газеты пишут – публика сходит с ума от восторга, в залах полный аншлаг, билетов не купить.

– Да, Федор Иванович прямо-таки преобразился. И концерты идут «на ура». И вся Москва его песни перепевает. Кстати, имею честь быть лично с ним знакомым... А моя гитара еще цела?

– Да, конечно, она в твоей комнате.

– Тогда я – сейчас...

Возвращаюсь с семистрункой в руках, чуть-чуть подстраиваю... Ну, гулять так гулять...

Выйду ночью в поле с конём,
Ночкой тёмной тихо пойдём,
Мы пойдём с конем по полю вдвоём,
Мы пойдём с конем по полю вдвоём...

Глава 2

Вчера всё-таки договорились с бабушкой, что нанесу визит в университет сказать пару ласковых излишне темпераментным студентам, вот к назначенному часу и стою в вестибюле в ожидании «гида». Несмотря на весь мой героический антураж, включая недавно введенные нашивки за ранения, погулять по коридорам вахтеры почтительно, но твердо не пустили, дозволено было только сдать шинель с папачкой в гардероб. Шашку отдавать в чужие руки не стал, оставил, как награду, в дополнение к Георгию и Владимирам. После звонка пустынный коридор наполняется народом, спешащим по своим делам, и под любопытными взглядами возникает постоянное желание куда-нибудь спрятаться. В конце концов, излишнее внимание надоедает, и ухожу в себя, почти переставая обращать внимание на зевак. Но ненадолго. От любования зимним городским пейзажем в окне отвлекает возглас: – Денис?! Ты?..

Поворачиваюсь на звук. В двух шагах стоит и удивленно смотрит на меня молодая, хорошо одетая и очень красивая барышня. Прямо-таки роковая красотка. Но роковая для кого-нибудь другого, не для меня. Для меня она была роковой два года назад. Это из-за размолвки с ней Денис Гуров отправился на фронт искать свою погибель, но вместо этого нашёл меня... Не знаю, какие чувства были в душе тогда, но

сейчас – полное безразличие...

– Добрый день, сударыня.

– Ты что, не узнал меня?.. Это я, Вера... Вера Нетенина, я учусь здесь, на Вспомогательных женских медицинских курсах. Неужели я так изменилась?..

– Нет, не изменились. Я узнал вас.

– Тогда почему?.. – Она обрывает фразу и смотрит мне прямо в глаза, затем продолжает, сбившись с голоса: – Раньше со мной ты разговаривал другим тоном.

– Раньше я был другим.

– Каким?

– Немного наивным восторженным юношей, которого уже давно нет.

– А кто тогда есть?

– Не знаю. Наверное, офицер-фронтовик, хлебнувший прелестей войны полной чашей.

– И этот офицер забыл всё-всё? То, что было совсем недавно?

– Нет, не забыл. А насчет «недавно»... На фронте время течёт по-другому. Мне кажется, наоборот это было очень давно, в какой-то прошлой жизни, которую не вернуть.

– Почему?.. Я здесь, ты здесь, что мешает нам?.. – В глазах появляется отчаянная надежда и тщательно загоняемое в самый дальний уголок, чтоб не сглазить, ощущение несбыточности этой самой надежды.

– Хотя бы потому, что всё необходимое, и даже немного

сверх того, было сказано в нашу последнюю встречу.

– Да, я знаю, я виновата... Я поверила тому, что про тебя наговорили. Какое счастье, что я не вышла за этого негодяя!.. Денис, прости меня...

– Я давно простил вас, сударыня. – Вообще-то, в таких случаях нужно слушать своё сердце, а не чужие шепотки над ухом. Во всяком случае, у нас с Дашей именно так...

Снова долгая пауза, затем заранее пугаясь от догадки, она выдает версию:

– У тебя есть другая?..

– Да, есть. И я на ней женат.

– ...И кто же она?..

– Сестра милосердия, выхаживала меня после контузии.

– ...Она его за муки полюбила, а он её – за состраданье к ним? – с горькой, немного кривой улыбкой она перефразирует Шекспира.

– Это ваши мысли, сударыня. Увольте, не смею разубеждать... И – прощайте, меня уже ждут. – Щелчок каблуками, короткий кивок головой, и я иду навстречу отцу Димитрию, который стоит у лестницы, деликатно не решаясь нам помешать.

* * *

Заходим в аудиторию вместе со звонком. Обитатели встречают нас настороженно, видимо, не ожидали, что ба-

тюшка придёт не один, и, судя по двум с лишним десяткам разочарованных мордочек, готовились порезвиться ещё раз. В наступающей тишине слышится запоздалый громкий шёпот «Жандармы!» откуда-то с верхнего ряда. Оккупирую преподавательскую трибуну и вежливо здороваюсь:

– Здравствуйте, господа несостоявшиеся лекари...

В ответ слышны звуки, которые можно охарактеризовать как «Приветствие пчелиного роя приближающемуся Винни-Пуху». Пережидаю шум и наконец-то слышу вопрос, который должен был прозвучать сразу:

– Позвольте полюбопытствовать, господин офицер, а почему, собственно, несостоявшиеся?..

– Кто-нибудь из присутствующих может похвастаться дипломом врача уже сейчас?.. Нет? Тогда к чему подобный вопрос?.. Вы на данный момент – всего лишь студенты второго курса с завышенным самомнением и не совсем хорошими манерами... Но пока мы не начали нашу беседу, я хочу задать один вопрос. Тот, кто минуту назад ляпнул слово «жандармы», считает себя взрослым мужчиной, могущим отвечать за свои слова? Если да, то прошу подняться...

На галерке происходит какая-то возня с кратковременным шушуканьем, затем автор реплики всё же поднимается и с некоторым вызовом смотрит на меня, упиваясь, видимо, своей смелостью и самоотверженностью.

– У меня к вам несколько интимный вопрос, молодой человек. Потребности в посещении глазного врача не испы-

тываете? Нет?.. А цвета хорошо различаете?.. Тогда, может быть, объясните, как можно было спутать тёмно-синий цвет, коим пользуются господа из Отдельного корпуса, с моим зелёным?.. Садитесь, «неуд» вам по цветоведению... Чтобы избежать гадания на кофейной гуще с вашей стороны, скажу сразу – я пришёл сюда для того, чтобы поинтересоваться, чем это таким интересным занимаются будущие медики, которым позже другие люди, может быть, и я в том числе, будут вверять своё здоровье и, возможно, даже жизнь... Изучают вместо учебников ораторские перлы некоего господина Милюкова?.. Кажется, я уже ясно дал понять, что ни к Департаменту полиции, ни к Отдельному корпусу отношения не имею, так что гонений можете не опасаться.

– Даже если и так, что с того? – с вызовом задает вопрос довольно упитанный недоросль с первого ряда. Смелый, но смелость эта, как мне кажется, от страха.

– Собственно, ничего. И чем же эти словоизвержения тронули ваши умы?

– Хотя бы тем, что наконец-то открыто признается несостоятельность... правительства. И его неумение руководить страной.

– Сами не умеют, пусть дадут другим!.. – откуда-то с задних рядов доносится безымянный «Vox pópuli¹». – А то и пусть делают, что хотят, мы у себя в Сибири свои порядки установим!..

¹ Глас народа (лат.).

Ага, приехали! Будем всех в одну кучу мешать, и либералов-глобалистов, и отделенцев-сепаратистов, вот винегрет интересный получится! В головах без мозгов же получился, сами не понимают, что орут. Только вот забыли один маленький нюансик, но ничего, сейчас мы про него напомним...

– Тихо, бандерлоги!.. Если считаете себя воспитанными и интеллигентными, не перебивайте собеседника! Я дал вам возможность высказаться!.. Теперь, будьте любезны, вдумчиво выслушать то, что я скажу... Свои порядки хотите установить? Господина Потанина со товарищи начитались? Бело-зелёным флажком побаловаться решили?.. Хорошо, чисто теоретически допустим, что Сибирь получила независимость. Что дальше?.. У вас хлеба хватит, чтобы прокормить всех? Нет. Значит, цены взлетят до небес...

– Хлеб покупать будем! – Задние ряды опять напоминают о себе. – Золота у нас достаточно!..

– У кого?.. Бывшая «метрополия» из принципа ни одного пуда не продаст. Да ещё кордоны выставит на границе. А тем временем новое правительство независимой Сибири за определённую мзду сдаст с потрохами прииски тем же янки, и золото вам только снится будет! Дальний Восток с Камчаткой тоже захотят стать самостоятельными и очень быстро научатся говорить по-японски!.. За год-два уоспы подберут под себя все золото и пушнину, бритты будут несказанно рады накрывшемуся транзиту через Транссиб и КВЖД, для чего найдут талантливого хунхуза, объявят его Первым Ве-

личайшим Генералом Вселенной и будут вдоволь снабжать оружием и боеприпасами. Не желаете прокатиться на поезде, рискуя быть обстрелянным с каждого холмика парой пулеметов «Виккерс»?..

– Господин капитан, простите, а кто такие «уоспы»? – Меня притормаживает длинноволосый тщедушный очкарик с первого ряда.

– Это аббревиатура, подразумевающая понятие стопроцентного американца. WASP – white (белый), anglo-saxon (англосаксонского происхождения), protestant (протестантского вероисповедания). Именно WASPy, как они считают, должны править Североамериканскими Соединенными Штатами. – О том, что одна штатовская рок-банда перевела сокращение как «We Are Sexual Perverts»², упоминать пока не будем, не поймут-с. – И, спасибо за вопрос, как к вам будут относиться новые хозяева, если до сих пор в САСШ действует политика сегрегации?.. Вы уже второй год учите латынь и не знаете такого слова?.. Господа, я начинаю волноваться за нашу медицину!.. Segregatio переводится как «отделение». Не находите пикантным совпадением? В Штатах всюю действуют школы, кабаки и прочие заведения с вывесками «Только для белых» и «Только для черных». Хотите, чтобы к ним добавились «Только для русских»? Янки не будут разбираться, чем отличается тамбовский там или брянский крестьянин от томского или алтайского кержака,

² Мы – сексуальные извращенцы.

для них все мы – нечто вроде дикарей, которых надо держать только в резервациях!.. Подведем итог: добыча самого ценного вскорости окажется в руках иностранцев, своей промышленности почти нет, продовольствия – тоже нет. Вы такой независимости хотите?.. И ещё один вопрос... Почему вы решили, что ваши персоны или вознесённые вами до небес болтуны из Думы наподобие Милюкова будут определять будущее страны?.. У меня есть более достойные кандидаты...

– Кто же, если даже сам монархист Пуришкевич выступает против императора?! – упитанный «кабанчик» с первой парты ехидно лезет в разговор.

– Кто?.. Фронтовики. Солдаты, унтера, офицеры. Те, кто на своей шкуре хлебнули окопных вшей и германские бомбежки, голод и отсутствие патронов. Те, кто победит в этой войне... Которая скоро закончится, и мы вернёмся домой!.. И спросим у каждого по праву проливших кровь за Русь-матушку, спросим за себя и за тех, кто остался там, в земле: а что ты сделал для нашей Победы?! Помимо брезгливо брошенного пятака «На табак солдату»?! Спросим у вашего сладкоголосого Милюкова, почему он и ему подобные в прошлом году сделали всё, чтобы мы отступили!.. Забастовки?.. А откуда текли денежки на прокорм тех бастующих, вы не знаете? А мы знаем! И почему заводы саботировали военные заказы, мы тоже знаем! И кто в одночасье нажил состояние на нашей крови – тоже!.. Я имею в виду ваш обожа-

емый Земгор!.. И каждый ответит за свои грехи!..

Что касается конкретно вас – вернутся 41-й и 42-й Сибирские стрелковые полки, с которыми я имел честь гонять в хвост и в гриву германцев под Барановичами! Восемь тысяч охотников-таёжников, которые и до войны белку в глаз били!.. И с вас, господа будущие Авиценны и Гиппократы, они тоже спросят: почему из Питерской академии, из других университетов страны студенты-медики уходили на фронт фельдшерами, санитарями-вольноопределяющимися, а вот земляков-томичей встретить не удалось! Кто-нибудь из вашего потока ушел на фронт?! Нет, вам проще на бабкиной печке валяться да чай с баранками гонять, а потом с умным видом рассуждать о будущем Сибири и России!.. Кто вас уполномочил?! Кто вы есть?! Тараканы запечные!.. Хотите чисто медицинский вопрос, чтобы как-то реабилитироваться?..

Представьте, что вы идете по улице и за углом обнаруживаете на земле человека, покусанного собакой. – Сейчас я вам устрою блиц-опрос по военно-медицинской подготовке, мало не покажется. – На правом предплечье рваная рана, кровотечение обильное, с несильными толчками, кровь светло-вишневого цвета... Ваши действия?.. Быстрее! Человек, может быть, умирает!..

– Нужно наложить жгут! – Несколько человек хором пытаются оказать неотложную помощь.

– Достаньте его из кармана и покажите мне!.. Вы не но-

сите с собой жгут? Тогда что вы собрались накладывать?..
Веревку? Где вы её возьмете?.. Пошлёте кого-нибудь в ближайший дом?.. Пока её будут искать, человек умрёт!.. Почему?.. Потому что кровотечение смешанное, повреждены и вены и артерия, примерно через сорок секунд наступит необратимая кровопотеря в организме!.. Где взять? А брючный ремень или подтяжки вам на что? Или боитесь замараться, господа медикусы?! Дальше, пока вы накладывали жгут, человек потерял сознание, отсутствуют дыхание и сердечная деятельность! Быстрее, у вас три, максимум четыре минуты!.. Опять – почему?! Потому что потом наступят необратимые изменения в мозге!.. Что делаем?! Как делается искусственное дыхание и непрямой массаж сердца?! Неправильно!.. Если у вас нет помощника, то – два вдоха на пятнадцать нажатий!.. Что ещё забыли?.. Забыли упомянуть, что пострадавшему нужно расстегнуть одежду на груди, запрокинуть голову, подложить под шею какой-нибудь валик, очистить от посторонних предметов ротовую полость и во время вдохов зажимать нос!.. Да-с, господа несостоявшиеся лекари, я очень разочарован будущим томской медицины!.. Вы отучились всего лишь полтора года, а у каждого на счету уже есть один умерший пациент!..

В общем, хоть после звонка приходится покинуть аудиторию, виртуальное поле боя остается за мной. Прощаюсь с отцом Дмитрием и собираюсь откланяться, но возле гардероба меня ждет непредвиденная задержка...

– Господин капитан, разрешите обратиться! – У дверей меня дожидается тот самый гривастый хлюпик в очках.

– Слушаю вас, молодой человек. – Хотя время и поджигает, даю юноше высказаться. – Остались ещё какие-то вопросы?

– Только один... Могу ли я надеяться поступить к вам добровольцем? – Парнишка выпаливает фразу и как-то даже слегка бледнеет, глядя на меня сквозь свои очки очень серьезными глазами. – Я знаю, вы – капитан Гуров, командуете Первым отдельным Нарочанским батальоном, расквартированным в Москве...

– ...Могу ли я узнать ваше имя и откуда у вас столь глубокие познания относительно моей персоны?

– Простите... Иван Пинягин, студент медицинского факультета...

– А вторая часть вопроса?

– Мой отец – купец первой гильдии, ходит в компаньонах с Федором Поликарповичем Сычевым... Он с академиком Павловым сошёлся после того, как тот его сына излечил. Сейчас там завод строят, Федор Поликарпович сам долю взял и батюшку моего уговорил. Ездили они туда, с людьми интересными говорили, да и вас там, в Институте, видели. А подробней инженер, который стройкой заведует, им рассказал, Александром Михайловичем, кажется, его зовут...

Так, вернусь домой, тестюшке дорогому пару ласковых обязательно скажу. Насчет того, кому и о чем надо хвастать-

ся, а кому и о чём – нет.

– ...Я, как шифровку на ваших погонах увидел, сразу догадался... – Студент Ваня замолкает и ждет ответа на свой вопрос.

На первый взгляд – парнишка нормальный, во время диспута ни одной глупости не ляпнул. Но это ещё далеко не повод сразу в друзья его записывать.

– А о том, что у меня в батальоне особые требования к здоровью и физической выносливости, ваш батюшка не говорил?

– Господин капитан, вы сегодня сказали о санитарях-вольноопределяющихся, вот я и решил... – Пинягин-младший аж краснеет от смущения и опаски быть неправильно понятым. – ...Тем более рассказывали о таких деталях, которые нам не преподают...

Ну да, ни диверса, ни штурмовика из него не выйдет, стать не та... А медпункт расширять всё же придется, народу вскоре будет вдвое больше. А у меня медиков – доктор Паша, пара стариков-фельдшеров и три медсестрички, включая келлеровскую Зиночку...

– Хорошо, Иван?..

– Алексеевич...

– Хорошо, Иван Алексеевич. Через недельку-другую будем ехать обратно, к тому времени решайте все вопросы и можете присоединиться к нам. Лёгкой жизни не обещаю, у меня и повара учатся без промаха стрелять. Пройдете испы-

тательный срок, сдадите зачёт у нашего доктора, и – добро пожаловать. Если нет, так и быть, расщедрюсь на обратный билет.

– Благодарю вас, господин капитан! Разрешите идти? – Бедняга несколько комично для своего телосложения пытается вытянуться во фрунт, улыбаясь тем не менее вполне довольной.

– Идите уж... господин вольноопределяющийся...

Глава 3

Второй день сидим в доставшихся нам мебелишках и ждём у моря погоды. А если точнее – прибытия нужного нам «каравана» из Курейки. Погоды мы уже дождались, хоть и не скажу, что очень уж холодно. Вот вчера, когда выскочили из вагона, единственной мыслью было побыстрее добраться до тёплого местечка и спрятаться от очень пронизывающе-освежающей такой вьюги, моментально выдувающей тепло отовсюду. Несмотря на каких-то минус семнадцать. Поэтому, став на постой, народ тут же озадачился горячим самоваром, употребив перед тем по «сто грамм для сугреву». За ночь непогода утихла, растратив все силы на возведение свежих сугробов, и сейчас на улице очень даже неплохо. Прямо по Пушкину – «мороз и солнце, день чудесный», ветерка абсолютно никакого не чувствуется, дымы из печных труб поднимаются ровненько и вертикальненько.

На этом приятные впечатления заканчиваются. С августа введены карточки на сахар и хлеб, чай из свободной продажи исчез, дрова подорожали аж в восемь раз. Зато, несмотря на сухой закон и корячащиеся пять лет тюрьмы, самогон можно купить на каждом углу практически в открытую. Город перенаселён, по улицам шатаются местные, страдающие хронической безработицей и похмельем беженцы, которых вроде как уже начали отправлять обратно на запад, и плен-

ные. Тринадцать тысяч немцев, австрийков, венгров, чехов и турок шаряются по городу, как по своему огороду, разнося свет цивилизации, туберкулезные бациллы и тифозных вшей. Начальник гарнизона полковник Мартынов, когда ему представлялись, вполне официально предупредил, что в случае непредвиденных обстоятельств рассчитывает на нас. Поэтому как гарнизон в основном состоит из нескольких запасных полков, шести рот ополченской дружины и казачьей сотни. Причем казаки и есть самая боеготовая и надёжная часть этой «армии». Несколько штрихов к картине маслом добавили и в губернском жандармском управлении, куда я также нанёс визит, ставя в известность о цели командировки. Оказывается, в мае был еврейский погром и солдатушки – бравы ребятушки охотно поучаствовали в нем наравне с местными бабами. Причиной послужила всё та же безработица вкупе с повышением цен на продукты. И, что самое интересное, цены-то взлетели благодаря «Сибирскому обществу пароходства, промышленности и торговли», под руководством некоего господина Ионаса Лида, который также имеет почти абсолютное влияние в крупнейшем городском акционерном обществе «Абакан». Эти-то две конторы с англо-норвежским капиталом вместе с примкнувшими спекулянтами и перекупщиками и определяют цены в городе, но, как и всегда, во всём оказались виноваты евреи...

– Губернатор запретил нашему полковнику даже упоминать о нём. Как я понимаю, из-за господина Тимирязе-

ва, бывшего министра торговли и нынешнего члена советов Петроградского частного коммерческого и Русского для внешней торговли банков, директора обществ Кольчугинской и Подольской железных дорог и еще кучи предприятий. И при перлюстрации моим коллегам дано указание отслеживать, чтобы информация не просочилась в столицы.

Мой собеседник имеет полное основание быть со мной откровенным. Знакомы мы не сказать чтобы очень давно, где-то полгода назад тогдашний поручик, а ныне штаб-ротмистр Игорь Михайлович Горячев со своими коллегами проходил «стажировку» в батальоне. А потом ради карьеры променял Питер на глухой медвежий угол, но с повышением в чине. То есть по предложению подполковника Бессонова поехал в Красноярск работать «засланным казачком».

– ...В общем, местные купцы, рискуя своими жизнями и кошельками, создали систему судоходства, освоили речные выходы к северным морям, а потом, пользуясь большими деньгами и протекцией сверху, этот норвежец оттёр всех в сторону.

– Дайте срок, Игорь Михайлович, разберемся с этим залётным викингем. А заодно и с остальными *иносранцами*... Простите, я не оговорился.

– Он давно уже российский подданный...

– Тем хуже для него – под общую гребёнку и на общих основаниях. Пусть малость лизнёт с шила патоки.

– Вашими бы устами, Денис Анатольевич... Только гре-

бёнку очень частую придется использовать, народ здесь сами догадывается какой. Одна Закачинская слобода чего стоит, да и остальные не отстают. Редкий день без убийств и грабежей проходит. А полиции в наличии всего пятьдесят три городских и семь чиновников. Иногда даже сомнения гложут, кто городу хозяин – губернатор или уголовники... Чайку не желаете? Китайский, кстати, контрабандный... А это что ещё за цирк-шапито?! – Штаб-ротмистр подходит к столу с самоваром и, забыв о том, что хотел сделать, заинтересованно смотрит в окно. – Вот, полюбуйтесь, кажется, – доказательство моих слов.

Подхожу к окошку и вижу подъехавшие сани, запряженные маленькой мохнатой лошадкой, и кубарем скатившегося с них городского в расхристанной шинели. И бежит точно к нам... Как-то сразу просыпается нехорошее предчувствие, сигнализирующее, что неспроста он так ломится, а конкретно по мою душу. Слышно, как хлопает дверь, раздаются какие-то крики... Выходим из кабинета, внезапный посетитель пытается одновременно отдышаться и изложить суть дела дежурному вахмистру. Увидев офицерские погоны, поворачивается к нам, с трудом выдавливая из себя почти членораздельные звуки:

– Вашбродия!.. Тама эта!.. Убивают!.. В кабаке у Тришки Корявого!..

– Говори толком! Кто кого убивает? И почему к нам, а не в участок? – Горячев пытается получить хоть какую-то инфу.

– Ваших... Тама в кабаке... двое ссыльных... И стражники ихняя... Мерзляков и еще один...

– Как фамилии?! Знаешь?.. – Теперь уже я очень сильно начинаю интересоваться происходящим.

– Один... маленький такой... чернявый... на яврея похож... Свердлов, кажись, фамилие... Другой... побольше... усатый... Как его... Джига... Джуха...

– Игорь Михайлович! Посыльного к моим – «тревога» и в адрес! – Хватаю с вешалки шинель в охапку, на ходу раздавая указания. – Я – туда!..

«Таксист» быстро, или мне так показалось, доезжает до нужного места. Выскакиваю из наброшенной на плечи шинельки, на крыльце сталкиваюсь с каким-то мужичонкой, от испуга приседающим и закрывающим голову руками. Отпихиваю его с прохода в сугроб и влетаю в «заведение»... Ф-фух, успел!.. Небольшой зальчик пуст, посторонних нет, только по дороге в дальний угол на полу лежит, как я понимаю, один из стражников с разбитой головой, рядом – ещё тело, из чернявой шевелюры на пол уже натекла красная лужица. Свердлов?.. Хрен с ним, мне он не интересен!.. А вот дальше носом в пол уткнулся кто-то, судя по одежке, из аборигенов, а пятеро его товарищей, поигрывая своими железяками, обступили полукругом две зажатые в угол жертвы, как они думают... Ещё одного стражника, выставившего перед собой шашку, и невысокого усато-бородатого грузина, держащего в качестве оружия ножку от разломанного стола...

Ну, вот я и встретился с товарищем Сталиным!..

Ладно, политесы потом. Похоже, у них – пат. Местные со своими ножиками и единственным кистенём, которым в помещении особо не помашешь, достать эту парочку не могут, а Сталин и шашконосец не прорвутся на выход... Если, конечно, не учитывать джокера...

Пять шагов... четыре... три... Кто-то из бандюков оборачивается, очевидно, ожидая увидеть подмогу. Но видит только удар слева в челюсть по всем правилам бокса, после чего быстренько устраивается отдохнуть на полу между атакующими и обороняющимися. Его сосед, озадаченный таким поведением лучшего друга, оглядывается и с хеканьем пытается ударить кистенем. Без раскрутки, чисто на автопилоте... Разворот против часовой, левая по касательной ловит медную гирику на ремешке и продолжает её траекторию, правый локоть на противоходе попадает бедолаге в «солнышко». На этот раз хеканье более выразительное, дяденька начинает сгибаться, ловлю его за бороду и подправляю, чтобы он уже точно не промахнулся мордочкой мимо стола... Оп-па, получилось!.. Коленом под рёбра отталкиваю его в сторону, а то меня уже пытаются достать ножом... Неудачно... Пока один абориген собирается сделать во мне лишнюю дырку, другой вскакивает на стол, но с моей помощью поскальзывается и летит вниз под ноги последнему, сдуру повернувшемуся спиной к зажатым в углу. Ему тут же в голову прилетает ножка стола от товарища Сталина, и на полу

уже бутерброд из двух тушек... Нож снова целится в меня, но после удара сапогом по запястью резко меняет траекторию и улетает под потолок. Его хозяину, не успевшему ничего сообразить, прилетает размашистая плюха, отправляющая тело к уже отдыхающим товарищам...

Возвращаясь к первому, уже начинающему вылезать из нокаута, пинком поворачиваю на бок, сдергиваю добротный кожаный ремешок, клиента – снова носом в пол, ручку завернуть, коленом прижать, вторую – таким же макаром. Ремнём стягиваю локти за спиной так, что они почти касаются друг друга... Снимаю с руки следующего петлю кистеня, тот, уже отдышавшись, угрожающе хрипит:

– Ну, погодь, сука, встретимся ешо...

Не, ну ты совсем охренел, придурок? Не в курсе, что со мной так нельзя разговаривать?.. Трофейная гирилка делает разгонный круг и прилетает бывшему хозяину по плавающим рёбрам, на что он дёргается и отвечает очередным хеканем. Заводим ставшие безвольными лапки за спину и спутываем ремешком от кистеня.

Пока я развлекаюсь в проходе между столами, охранник кидает шашку в ножны и начинает помогать мне с другой стороны. А Иосиф Виссарионович тем временем оказывает первую помощь сначала лежащему полицейскому, а потом и своему партайгеноссе. Оба оказываются живы и с помощью добровольного санитаря перемещаются с пола на близлежащую лавку. Неизвестно откуда вынырнувший старик с

изъеденным оспой лицом, который, видимо, и есть тот самый Тришка Корявый, уже тащит какую-то простынку, на ходу распуская её на бинты. За ним мальчишка-половой тянет большую миску с водой...

– Вашскобродие, дозвоьте представиться, полицейский стражник Мерзляков. – Служивый уже закончил вязать макраме на оставшихся шаловливых ручках и тянется во фрунт, приветствуя старшего по званию. – Благодарствуем за помощь, вашскородие. Вовремя вы их...

Отмахиваюсь от него, мол, не стоит благодарности, и задаю вопрос интересующему меня человеку:

– Ну, как они там, жить будут?

– Раны нэ опасные, но нужно дэлать пэрэвязку... – Сталин немного медлит, потом всё же решает представиться: – Палытычэский адымыныстративно-ссылный Джугашвили.

– Капитан Гуров. Здравствуйте, Иосиф Виссарионович. А это, как я понимаю, – Яков Михайлович Свердлов?.. Что тут у вас произошло?

– Приказано было, вашскородие, доставить двух ссылных с ихних мест до начальства. – Стражник приходит на помощь своему удивлённому подопечному. – Вот, в город захавшись, попросили оне похарчеваться горяченьким с дороги-то. Так мы в трактир и завернули. А тут энтии загоношились...

– И что им не понравилось?

– Яшке захотэлось с народом пагаварыть... – Сталин иро-

нично усмехается в усы. – Гаспадын капытан, а аткуда вы знаетэ наши имена?

– Известно дело, увидали заезжих, да ешо ссыльных, от и решили пощипать малость. – Мерзляков выдает более правдоподобную версию.

– Знаю, Иосиф Виссарионович. Потому что именно по вашу душу и прибыл...

Дальнейший разговор прерывает ямщик, забежавший с моей шинелью и выдавший свежие новости персонально стражнику:

– Михалка Лексаныч, моя уходит, однако. Деньга надо. Тама мужики, сюда идут. Шибко сердитые, однако...

Сквозь морозные узоры на оконном стекле вижу спешащую сюда группу поддержки местной гопоты. Шестеро, крепенькие и бородатые, настроенные довольно решительно, руки почти у всех чем-нибудь опасным да заняты. Ладно, потом договорим, а сейчас идем встречать дорогих гостей...

Когда до них остается метров десять, выхожу на крыльцо с дымящейся папиросой. «Мстители» сбавляют ход, оглядываясь на идущего немного позади нехилого такого верзилу в тулупчике, но без шапки и с интересной прической – шикарный кучерявый чуб заканчивается ровно посередине тыковки, дальше всё выбрито наголо. А глазки злые-злые. Сказывается, наверное, трудное детство, деревянные игрушки и скользкий подоконник на втором этаже.

– Он эта, Абаша, он самый! Он ребятушек побил! – Из-

за спин, как из-за забора, колобком выкатывается давешний мужичонка, встреченный на крыльце, и начинает вопить, чуть ли не подпрыгивая от радостного возбуждения.

Главарь Абаша оценивает меня взглядом, смотрит на своё «войско», затем, приняв решение, легонько шевелит рукой, и «быки» начинают обходить крыльцо полукругом. Думаете, я к двери прилипну? Ага, ищите дураков в зеркале!.. Два шага с крыльца, пальцы ложатся на рукоять шашки. Краем глаза замечаю бандюка с пустыми руками, старающегося зайти за спину или добраться до входа. Щас-с!.. Стоящие передо мной перехватывают свои деревяшки поудобнее. Неплохие такие дубинки, из лиственницы, ручками от многократного применения отполированные...

Взгляд атамана, брошенный мне за спину, служит сигналом. Шаг назад в сторону с разворотом, мимо плеча проносятся почти такая же гирилка, что и в кабаке, шашка вылетает из ножен, перерубая по пути ремешок и на обратном движении сбивая шапку, чиркает «засадника» наискосок по лбу. В завершение по ребрам прилетает удар с ноги, снося тушку с крылечка. Минус один! Ему теперь только и забот – кровинушку унять... Разворот обратно, «Анна Георгиевна» принимает удар первой дубинки, и начинается веселье...

В батальоне давно уже такие «танцы» в обиход вошли. Бой на палках «один на один» и «один против всех». Секретов тут немного – снимать удары под острым углом и по касательной, крутиться особым образом, не останавливаться и не

забывать про остальные конечности. Теоретически – легко, но пока на практике ту теорию наработаешь, синяков и шишек будет – мама не горюй! У нас это уже давно пройденный этап, а вот у оппонентов – как бы не в первый раз. Привыкли, наверное, человечка со спины глушить, а потом добивать кучей-малой...

Оп-ля!.. Один, провалившись в удар, суётся мимо, подшаг, толчок под ноги товарищу, чтобы не слишком спешил, третьему – укол в бедро, чуть повыше колена... И тут же шашку назад, увести следующую деревьяху от головы... Ну, извини, я же не обещал только клинком воевать, сапог, влетевший в ширинку, – тоже оружие...

Теперь играем «один против двух». Нет, всё же – против трёх. От главаря отклеивается последний резерв и занимает место хромого. И почти тут же его дубина прилетает мне по плечу!.. Хитрый, мгновенно перекинул палку в другую руку! Еле-еле удалось увернуться, сделать удар скользящим. Опытный? Ну-ну, давай поиграем!.. Только от балласта избавлюсь...

Рву дистанцию, шаг назад и вправо, оказываюсь между предыдущими противниками. Ухожу вниз, одновременное движение обеими руками, правый роняет палку и валится на утоптаный снег, с утробным воем пытаюсь зажать руками глубокую резаную рану на ноге. Левый после подбива колена заваливается рядом, палка уже у меня в руке, короткий взмах, и конец прилетает в переносицу своему бывшему хо-

зяину...

Вот теперь можно и с последним побарахтаться... Нет, не судьба. Главварь Абаша теряет терпение и, скорчив зверскую рожу, лезет за пазуху... Дальше появляется ощущение, что я попал в замедленное кино. Рука двигается обратно вместе с револьвером, судя по крючку-«шпоре» для среднего пальца, – очень древним смит-вессоном. Раритет показывается полностью, его хозяин тянется взвести курок... Рукой делаю движение, будто встряхиваю градусник, «Аннушка» взлетает вверх и моментально опускается, острие чиркает по запястью, рассекая вены и сухожилия, револьвер вылетает из ставших непослушными пальцев. Ну, что, окропим снег красненьким?.. Полулысый атаман, замерев в ступоре, тупо пялится на свою грабку, с которой струей льется кровь. Его помощник сдёргивает с себя ремень и пытается наложить жгут... Из-за поворота выносятся тройка саней с моими архаровцами и лихо тормозит перед «полем битвы». Соскочив ещё на ходу, Остапец пинком отправляет смит-вессон подальше и сбивает главаря на снег, Котяра в это время заряжает сплеча оставшемуся невредимым бандюгану в челюсть. Как я понимаю, для установления дружбы и взаимопонимания, а также для обязательного посещения лицевого хирурга. Остальные начинают проводить иммобилизацию враждебных организмов и оказание первой помощи... С другой стороны улицы появляется десяток казаков, несущихся налётом. Ага, и возглавляет их штаб-ротмистр Горячев...

Глава 4

Снова перестук колес, гудки паровоза, лязг буферов и звон станционных колоколов, но теперь каждый из этих звуков напоминает, что мы едем домой...

В Красноярске дольше необходимого решили не задерживаться, слишком уж сахарно-медовыми все городские и губернские шишки стали после наших кабацких утех. Горячев по секрету объяснил, что и начальнику гарнизона и их полковнику градоначальник и губернатор поставили задачу выяснить, кому и что я могу в Москве доложить. И принять все меры к тому, чтобы доклад был благоприятным для местных вершителей судеб. Не особо стесняясь в ассортименте этих самых мер. Поэтому Игорь Михайлович и получил особое задание, как наиболее тесно со мной общавшийся.

Сложившуюся ситуацию мы использовали на всю катушку, а посему не возникло абсолютно никаких проблем ни с чиновниками от медицины, ни с их коллегами от МПС, ни с местными интендантами. Я получил всё, что хотел, а штаб-ротмистр заработал жирненький плюсик, доложив по команде, что никакой лишней информации не просочится и что хитрый жандарм обвёл героического, но слегка туповатого вояку вокруг пальца.

На следующий день я с плохо скрытым удовольствием смотрел на недоумевающего Сталина, читавшего представ-

ленные ему заключение врачебной комиссии о годности Джугашвили Иосифа Виссарионовича к службе в качестве ратника 2-го разряда и приказ о зачислении одного в списки 1-го Отдельного великой княжны Ольги Николаевны Нарочанского батальона специального назначения...

– Паслушайте, гаспадын капытан, я нэгодэн к службэ...

– Знаю, Иосиф Виссарионович, знаю. Левая рука не сгибается, повреждена при наезде фаэтона.

– Тагда пачэму?..

– Потому, что у меня приказ – доставить вас целым и невредимым в Москву. Вы же всё равно собирались бежать, за казённый счет это будет удобней. А чтобы не привлекать внимания, переоденетесь в солдатскую форму, оленьи сапоги и этот... как его... – Показываю на длинную рубаху с капюшоном из оленьего меха, лежащую на лавке.

– Сокуй.

– И сокуй... Конечно, смотрится колоритно, но не для Москвы. А так – одеты, обуты, поставлены на довольствие, едете с комфортом. Обстоятельства для вас складываются более чем удачно.

– Это мэня и настораживает... Ви сабираетесь завэрбовать мэня, как Малиновского? Зря потэраетэ врэмя.

– Никто вербовать вас не собирается. И я, и те, кто меня сюда послал, прекрасно знаем, что это – бессмысленно... С вами хотят пообщаться... м-м-м... некие особы, и, возможно, разговор будет полезен для обеих сторон. Но к этому раз-

говору мы вернёмся позже, надо же будет чем-то скрасить монотонность дороги.

– А если я нэ соглашусь и сбэгу?

– Ну, начнём с того, что сбежать будет проблематично. Рядом с вами всё время будут мои люди, на что они способны – вы знаете...

– Видэл... Я поначалу падумал, что драка была падстрое-на, но шашка, кров на снэгу... Балагадару вас, гаспадын ка-пытан, за помощь.

– Не за что, если что, – обращайтесь... Ну, так что, едем все вместе? Или вы всё же хотите проделать этот путь в гор-дом одиночестве, без копейки в кармане и подвергая свою жизнь ненужному риску? Желаете создать себе трудности, чтобы потом геройски их преодолевать?..

Если так будет проще, считайте, что решение об измене-нии места ссылки принимать будет не местный губернатор, а люди повыше его. Сейчас вы – ратник 2-го разряда, следу-ющий к месту службы. По приезде будет еще одна врачебная комиссия, которая констатирует ошибку местных коллег и признает вас негодным к службе, после чего сможете даль-ше с чистой совестью бороться с капиталистами за свободу пролетариата.

Сталин испытующе смотрит на меня, затем решает, что, действительно, разговор лучше продолжить не в ожидальне Яковлевских бань, а в купе поезда, поэтому задает послед-ний вопрос:

– Яшка тоже едет?

– Да, Свердловы мы тоже забираем. Зная ваши не очень-то дружеские отношения и причину оных, он едет отдельно.

– И какава жэ, па вашэму мнэнию, прычына?

– В тринадцатом году, когда вы с «товарищем Андреем» только прибыли на Туруханские «курорты», ЦК РСДРП(б) принял решение об организации побега, на что было выделено сто рублей, но, получив деньги, Свердлов оставил их у себя. А вам вследствие этого предстояла очень тяжелая и голодная зима, и вы тогда чуть не погибли. – Такой подробной информацией со мной поделился наш убежденный сталинист Тимин-Павлов.

– Для простого армэйского афыцэра ви знаетэ слышкам много, гаспадын капытан... Кто ви на самом дэлэ?

– Позже мы поговорим и об этом, Иосиф Виссарионович. Давайте будем уже собираться...

Накал страстей уже угас, почти неделю только и делать, что чесать языком, оказывается, не так-то и легко. Так что не правы те, кто считает, что трындеть – не мешки ворочать. А мне еще приходится всё время косить под майора Пейна...

Оппонент, слава богу, за это время понял, что лихой рубака-капитан из него согласие становиться сексотом клеща-ми тянуть не собирается, расслабился, разговаривает уже не так резко. Но споры с моей подачи порой заходят далеко, приходится иногда и к авторитетам апеллировать. Получил даже небольшое удовольствие, глядя на изумлённое выра-

жение лица Сталина, когда достал из чемодана «Манифест Коммунистической партии», чтобы процитировать тезис, с которым был не согласен...

— ...Чему вы удивляетесь? Лучше работать с первоисточниками, чем выслушивать байки в стиле «одна бабка сказала». Предвосхищая ваш вопрос, сразу говорю, что обыска не боюсь. Потому как ни в чём предосудительном не замечен... Так, ладно, где же это было... А, вот... Цитирую... Буржуазный брак является в действительности общностью жён. Коммунистам можно было бы сделать упрёк разве лишь в том, что они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жён официально открытую... Иосиф Виссарионович, объясните мне, тёмному, что сие означает! Я женат, мы с супругой, говорю честно и откровенно, любим друг друга. Какая, нафиг, лицемерно прикрытая общность?..

— Ну ви жэ нэ будэтэ атрицать, что помимо жён существуют лубовницы и продажные жэншыны? Буржуазный брак — пыросто формальность, которую прынято соблудать.

— Ага, а вы, коммунисты, предлагаете открыто их обобществить! Типа, сударыня, вы мне понравились, пожалте в койку, так, что ли?.. И смотрим дальше... Само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, то есть официальная и неофициальная проституция...

Сталин, сморщившись, всем своим видом показывает, что этот вопрос — не самый главный в книге и сейчас он на эту те-

му дискутировать не собирается. Поэтому переходим к следующему...

– ...Далее... Рабочие не имеют отечества... А кто сейчас воюет с германцем? Вчерашние крестьяне и рабочие, простой люд в солдатских шинелях. Им, к сожалению, эту великую истину господина Маркса никто в уши не ввёл, вот они и воюют. За Отечество, за Россию. Потому что считают себя русскими. А может, и говорили, только они не поверили. Я не прав? Вы ведь специалист по национальному вопросу, растолкуйте мне. Какое может быть право наций на самоопределение, если пролетарии, по мнению Маркса, – движущая сила прогресса, не имеют ни Родины, ни национальности? По вашему же определению, нация – это исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общих языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общей культуре.

– Дело в том, Дэнис Анатольевич, что Маркс писал о будущем, когда на всэй зэмлэ наступит коммунизм. – В голосе Сталина вроде даже снисходительные нотки проскальзывают. – А я рассматриваю нынэшнээ время, когда существуют государства и нации.

Ну что, пора тумблер «Дур» переводить в положение «Выкл»?.. Наверное, пора. А то зазнается еще товарищ революционер...

– Хочу вас немного огорчить, Иосиф Виссарионович. Даже будучи признанным специалистом в области межнацио-

нальных отношений, вы так и не поняли самого главного. Человеку можно дать всё, у него можно отобрать всё. Богатство, положение в обществе, семью, работу... Но одно никогда нельзя отобрать у него – национальность, принадлежность к определенной нации. Это дается при рождении и остается с человеком до самой смерти. В любой точке мира, в любой стране англичанин останется англичанином, немец – немцем, русский – русским. И никакое воспитание это не изменит. Это ощущение закладывается при рождении, в самые первые дни жизни. И остается глубоко в подсознании. Вы не знаете такого определения? Человек обладает сознанием, то бишь способностью думать, но очень много действий проходит без вмешательства мысли. Вы же не думаете, какие мышцы нужно напрячь, а какие расслабить, чтобы сделать вдох или поднести папиросу ко рту... Кстати, там же, в подсознании хранятся все рефлексy и инстинкты... В том числе и два самых главных и основных – инстинкт самосохранения и продолжения рода. По большому счету они лежат в основе каждого поступка каждого человека. Так вот, именно из-за инстинкта продолжения рода господин Маркс на том свете еще долго будет ждать исчезновения проституции и супружеских измен. Почему? Потому что для продолжения своего рода каждый самец должен оставить своё семя в максимальном количестве самок. Поэтому все мужчины полигамны, то бишь в душе являются многоженцами. И каждый сам решает, насколько он готов поступиться свои-

ми чувствами к той единственной и неповторимой перед инстинктом. Вот это уже – дело воспитания. А не каких-то там производственных отношений...

А что касается национального вопроса – его нельзя рассматривать отдельно самого по себе. Он всегда связан с геополитикой. Если государство многонационально, то там всегда есть господствующая и подчинённые нации. И многое зависит от того, как сложилась история этих народов... – Вот теперь начинаем очень потихоньку ездить по ушам в нужном направлении. – Либо... А вы никогда не задумывались, Иосиф Виссарионович, о роли личности в истории?.. Ведь наряду с народными массами, классами, этносами историю делают личности. В качестве примера: молодой поручик артиллерии Наполеон Бонапарте хотел поступить на российскую службу, но за несколько дней до этого пришел высочайший указ о приёме иностранцев на чин ниже. В результате Россия лишилась неплохого артиллериста, а Европа заимела очень сильную головную боль...

Так вот, приведу вам два примера отношения между нациями... Как турки вырезали и вырезают армян, вы знаете? Цифры напомнить?.. Резня в Сасуне, Стамбуле и Ване в конце прошлого века – убиты более девяноста тысяч человек. Только один февраль пятнадцатого: около ста тысяч армян – военнослужащих турецкой армии – разоружены и убиты. Это – так, навскидку. Не говоря о депортации мирного населения в пустыни, где женщины и дети умирали от голода, жаж-

ды и болезней. Не говоря о медицинских экспериментах, где армян использовали как подопытных животных... Вот вам один пример отношения правящей нации к подчиненной...

А вот второй. Про Семиреченское восстание не слышали?.. Нет? Хорошо, рассказываю. В конце июня был издан высочайший указ о привлечении инородцев к работам в прифронтовой полосе. Это было последней каплей в чаше терпения, как оказалось. Казахи начали вооруженное восстание, которое генерал-губернатор втихаря попытался подавить имеющимися войсками...

Когда великому князю Михаилу стало об этом известно, он принял правильное решение. Действие указа было приостановлено до особого распоряжения, в Семиречье отправились комиссия с широкими полномочиями и необходимым для их осуществления количеством надёжных войск. И выяснилась интересная картина! Оказывается, с четырнадцатого года скот у местных для армии скупался за копейки, за десятую часть цены и в принудительном порядке. А наверх, в столицу докладывали совсем другие цифры, полную стоимость. С землёй, которой владели кочевые роды, — тоже чехарда непонятная. Короче говоря, там было много неприятных неожиданностей... Через старейшин родов связались с лидерами восставших, провели переговоры, те сложили оружие. Почти все чиновники, замешанные в махинациях, взяты под стражу и уже отдали всё до копейки, чтобы компенсировать ущерб, территория в данный момент управ-

ляется напрямую наместником, которого назначил регент. Без крови, конечно, не обошлось, дунганские банды под шумок занялись грабежами и разбоями, вырезали несколько русских поселений... И после этого были полностью уничтожены войсками и казаками-добровольцами. А чтобы остальным было неповадно, их кланы были изгнаны с земли. Вроде бы в Китай подались... Остальным был предложен выбор – спокойно и мирно жить в составе Российской империи или героически погибнуть за выдуманный турками после очередного гашиша Великий Туран...

– А аткуда вам это известно, Дэнис Анатольевич? – Сталин заинтересовался рассказанным, наверное, и вправду до Курейки эти новости не дошли.

– Помимо своих прямых обязанностей я иногда выполняю отдельные поручения великого князя Михаила Александровича. И он частенько интересуется моим мнением по тому или иному вопросу...

– И тэпэр ви вэзетэ нас на аудыенцию? – Фраза прямо-таки сочится сарказмом.

– Я этого не говорил. Сопоставьте свои рассуждения с моими словами, в том числе и про роль личности в истории. И потерпите немного. А чтобы было интереснее думать, вот вам еще вопрос... – Снова открываю отпечатанные не очень скромным тиражом фантазии господина Маркса и нахожу нужную страницу. – Вот десять пунктов, которые по мнению вашего кумира должно исполнить пролетариату, что-

бы устроить всем светлое будущее. Смотрим... Экспроприация земельной собственности... Спорно, но в отношении отдельных категорий вполне возможно. Вы меня внимательно слушаете?.. Дальше, высокий прогрессивный налог – согласен... Конфискация имущества эмигрантов и мятежников – абсолютно не возражаю, причем заграничное имущество – тоже. Национальный банк с государственным капиталом и исключительной монополией – обеими руками – только «за»... Централизация транспорта в руках государства – спорно, но здравый смысл есть; улучшение числа государственных фабрик – архиправильно, как говорит ваш вождь, особенно в стратегически важных отраслях, обязательный труд для всех – не уверен, а вот трудовые армии – это хорошо, и даже очень... Соединение земледелия с промышленностью – гениально, общественное и бесплатное обучение и воспитание детей – никаких возражений... Интересно, что будете делать, господа социал-демократы, если услышите такие слова от... того, кто имеет право принимать решения?..

– ...Ви это сэрьезно?.. – Сталин снова язвительно улыбается. – Тот, как ви гаварытэ, кто имэет право прынымат решения, будэт угнэтат тэх, кого считает сваей апорай в барбэ протыв трудящихся? Нэ вэру!..

М-да, почти по Станиславскому. Ну, ладно мне можете не верить, товарищ Сталин, а вот великому князю, наверное, придётся.

– ...Пролэтарият сам спасобэн взят власть и пастроить

свѣтлае будущее, про которае ви упомянули.

— Может быть, может быть... Только вот какой глубины реки крови прольются, пока это случится? Вы же всех несогласных... А скажите, Иосиф Виссарионович, как Церковь относится к приметам? Вы же учились в семинарии... Верите, что бывают сны в руку? Мне вот как раз с четверга на пятницу такой приснился... Давайте попросим чаю у проводника, и я вам его расскажу.

* * *

Пять минут молчаливого перекура, когда каждый думает о своём, глядя в окно на проплывающий мимо очень однообразный пейзаж. Затем, обзаведясь стаканами с дымящимся, ароматным и наверняка тоже контрабандным чаем, продолжаем общаться...

— Так вот, о снах... Как я уже сказал, приснилось как-то с четверга на пятницу. То есть имеет все шансы сбыться... А приснилось мне, что в России революция грянула, да не простая, а... Нет, не пролетарская, а буржуазно-демократическая. Опередили вас буржуи. Императора заставили отречься, Государственная Дума, честно исполняя свой долг, избрала Временное правительство, которое должно было править страной до созыва Учредительного собрания. И которое вдруг взяло и распустило эту самую Думу, оставшись единственной властью в стране. Но это оно так думало и наро-

ду об этом сказать забыло. А он, народ, взял и выбрал свою власть, Советами называемую. И начали эти две власти бодаться друг с другом, из-за чего в стране такой бардак начался, что бывшие при императоре времена раем показались.

Из тюрем всех преступников повыпускали. Политических – ладно, но ведь и всех уголовников тоже. Назвали их жертвами царского режима, несправедливо обиженными. А те прикинули нос по ветру и стали убивать и насильничать не для собственного удовольствия, а ради революции и всеобщей справедливости... Ещё чаю не желаете, Иосиф Виссарионович?... Нет? Тогда продолжу...

Полгода такое счастье длилось, пока вашему Владимиру Ильичу не надоело лицезреть сей бардак. А еще он был недоволен тем, что большевики во всех Советах были в меньшинстве, простите за каламбур. И устроил он ещё одну революцию, на этот раз – пролетарскую. В результате которой к власти пришла диктатура пролетариата, руководимая вашей партией. Естественно, это не понравилось никому, и началась война всех со всеми...

Да, совсем забыл сказать, что сразу после первой революции в Россию приехал знакомый вам вольный социал-демократ Лев Давидович Бронштейн, он же товарищ Троцкий. И если бы просто один приехал, так ведь со свитой единомышленников и очень приличным финансированием от американских банкиров. Да и сам Ленин не брезговал помощью немцев... Не смотрите на меня так, Иосиф Виссарионович, я

же вам свой сон рассказываю... Германские вояки использовали вашего вождя для облегчения положения на фронте. И добились своего. Россия заключила мир с Германией, причем на самых унижительных условиях. Были потеряны Прибалтика, Украина, Белоруссия, часть Кавказа, это – треть населения, треть всей пахотной земли, две трети промышленности. Репарации составили полмиллиарда золотом, армия и флот должны были быть демобилизованы...

Впрочем, всё это не помешало начать гражданскую войну и еще пять лет убивать друг друга. Большевики создали Красную армию, все, кто был против – Белое движение, причем монархистов там было очень немного, в основном – те же буржуи, которые царя и отправили на покой. Им же помогали и бывшие союзники, не простившие России выход из войны. Помогали и поставками оружия, и прямой интервенцией...

– Значит, Германия в вашём снэ победила?

– Нет, но России это ничем помочь уже не могло. Англия, Франция и САСШ дожали бошей. Только с предателями, сами знаете, какой разговор... Так вот, вскоре после окончания гражданской войны Ленин отошел от дел. Давнее покушение, да ещё три инсульта. И вы, товарищ Сталин, начали воевать за власть с Троцким. Масла в огонь подлили ваши с ним разногласия по поводу дальнейших действий. Лёва считал, что надо всеми силами развивать перманентную революцию, экспортировать коммунизм в другие страны. На

штыках Красной армии, которой он к тому времени командовал и где у него было очень много сторонников. Вы же придерживались идеи построения социализма в одной стране, чтобы пролетариат всего мира видел его преимущества. Воевали вы с ним аж целых пять лет, а с его явными и тайными сторонниками – еще десять...

Те отчаянные красногвардейцы к тому времени выросли в руководителей разных рангов, но они умели только убивать и разрушать. Спокойная, планомерная работа была не для них. Их стихией были пламенная агитация, штурмовщина и кидание лозунгами.

– Пачэму так много времэни?..

– Потому, что они в любой момент могли сговориться у вас за спиной и переизбрать генерального секретаря партии. Потому что разогнанное ими колесо репрессий не могло остановиться, требовались новые и новые жертвы. И людей сажали за пару гвоздей, взятых на заводе, за анекдот про кого-нибудь из Политбюро, за то, что, пардон, в сортире подтерся газеткой с чьим-то портретом.

– Развэ можно судыть за такие пустяки? – Сталин недоумевает от услышанного.

– Да, и даже к расстрелу приговаривать. И вашей Туруханской ссылке любой зэк позавидовал бы. Потому что весь срок в бараке за колючей проволокой, охрана стреляет без предупреждения, а если дневную норму не выполнил, пайку не получишь. Но это – только сон, как вы понимаете...

А когда всё только налаживаться стало, снова германец по-
пёр войной. Вырастили там одну талантливую истеричку с
акварельными красками... Ну да не в этом суть. Война бы-
ла страшной, немец до Москвы дошёл, потом его четыре го-
да обратно выпроваживали. Землю на людях пахали, деся-
тилетние пацаны у станков стояли...

– И что было далшэ? – Собеседник заслушался, аж глаза
разгорелись, требует продолжения сказки. А вот не всё сра-
зу. Хорошего понемножку.

– А дальше проснулся я. И сильно задумался, сбудется
этот сон или нет. А вы, Иосиф Виссарионович, как считае-
те?..

Глава 5

Всё, долгоиграющая командировка, слава богу, кончилась. Свердлов, в достаточной степени оклемавшись, решил тоже принять самое активное участие в дебатах, и мне приходилось отбиваться уже от двоих очень грамотных большевиков. Спасло только предложенное старшими товарищами амплуа тупого, но решительного «одним махом всех побивахом». Честно говоря, вздохнул с большим облегчением, когда сдал сей «призывной контингент» Воронцову для дальнейших телодвижений по организации «встреч в верхах без галстуков».

Эти верха, в смысле академик с его превосходительством, мне всю плешь проели ещё до отъезда. Павлов, он же Тимин, всю сознательную жизнь был фанатичным сталинистом и именно поэтому никак не мог въехать в преподнесённый Келлером простой тезис о том, что Иосиф Виссарионович Сталин образца сорок пятого года и пламенный революционер Коба образца шестнадцатого – две большие разницы. И наоборот, когда Фёдор Артурович начал с чувством, толком и расстановкой ударений на основании прочитанного в будущем относительно Свердлова мешать последнего с навозом и прочей органикой, Иван Петрович, издевательски-вежливо улыбаясь, поинтересовался у генерала, с чьих слов, в смысле мемуаров, перестроечные искатели правды

начали вешать всех собак на одного персонажа, с чего он и сам сначала на эти песенки повёлся. И после небольшой паузы сам ответил на свой вопрос: а именно – Троцкого, напомнив после этого присутствующим, что сам вождь мирового пролетариата неоднократно и с чувством называл данного индивидуума не иначе как «Иудушкой» и «политической проституткой».

В общем, пока эти два упёртых представителя парнокопытных и полорогих решают, кому жить, а кому – не очень, я спокойно и расслабленно сижу в кабинете у Петра Всеславовича и, попивая чаёк, знакомлюсь с последними новостями...

– ...Фёдор Артурович обещал быть через час. Так что время у нас есть. – Воронцов заканчивает возиться у столика с самоваром и ставит на стол две ароматно дымящиеся чашки. – Пока наши «небожители» не собрались, у меня есть немного времени, чтобы ввести вас в курс текущих дел и познакомить с последними новостями.

Во-первых, Зыковский лес ныне очищен от скверны в виде местных банд и абсолютно безопасен. Так же как и окрестные дачи. Ваши разведчики сработали на «отлично». Бартенев согласовал действия с полицией, исполняющий должность батальонного командира штаб-ротмистр Дольский настоял на полной самостоятельности действий, так что конно-полицейская стража и городовые не вмешивались в ход операции. Внешнее оцепление выставлял сам лично, уж

слишком болезненное самолюбие разыграло у господ полицейских. Мол, если мы не смогли, то каким-то ополченцам это уж точно не под силу будет...

– Простите, Петр Всеславович, а с какого боку тут ополченцы? Привлекали ещё кого-то?

– Нет, Денис Анатольевич. В целях скрытности решено было выдать ваших бойцов за ратников ополчения. Непода- леку как раз квартирует 675-я Тульская дружина, под них и «перекрасились»... Так вот, часа два выслушивал ехидные разговоры ротмистров, которые отделениями конной стражи командуют, но потом получил истинное удовольствие, глядя на их вытянувшиеся лица, когда из леса появился Оладьин с «призраками», конвоируя пойманных. Подробности Сергей Дмитрич вам потом поведаст, а вкратце – пятеро задержа- ны, двое убиты. В дозоре сидели так, что тихо снять не по- лучалось. Три дезертира, четверо местных, бутырских. Мы их отконвоировали во 2-й Сущевский участок, Петровский парк – их территория. Но тут вдруг появились господа из Бу- тырского участка. Тамошний помощник пристава, титуляр- ный советник Наумов из кожи вон лез, желая поучаствовать в допросах. Нам это показалось несколько странным... В об- щем, как чуть позже выяснилось, в том участке мздоимство есть явление обычное. Поэтому в ближайшее время предсто- ит беседа на эту тему с подполковником Счастневым, при- ставом участка. Ну да, это уже мои вопросы. Между прочим, Денис Анатольевич, вопрос с вашей дачей получил неож-

данное развитие. Вам фамилия Кугушев знакома?

– Это тот князинька, который изо всех сил революционерам помогал?

– Да, тот самый. Вячеслав Александрович Кугушев, землевладелец, доходы от имения которого идут в кассу РСДРП(б), женат на сестре большевика Цюрупы, который и является управляющим княжеским поместьем. В данный момент живет в Самаре, работает в Донском банке. Руководитель сармарской масонской ложи, входящей в «Великий Восток народов России...» – Воронцов замолкает на половине фразы, очевидно, желая проверить мой склероз.

– И, как я понимаю, это – первая «матрёшка». А ещё у данного господина есть хобби – собирать компромат на разных людей, что-то могущих в этой жизни. И потом шантажировать их в пользу социал-демократов. – Помню я разговоры об этом человечке. Ещё когда Урусова кололи, всплывала эта фамилия.

– Именно так, Денис Анатольевич, именно так. И сии действия обычно происходили на княжеских дачах, расположенных в двух шагах от вашего владения. – Подполковник широко улыбается. – Причем очень удобно расположенных для подобных целей. На весь квартал – только два дома с выходами, не считите за каламбур, на все четыре аллеи. Вокруг только лес и натоптанные тропинки. Очень скрытно и удобно. Нашли мы и девок, которые на князя работали, и фотоаппаратики, в стены вмонтированные. И даже «архив» свой

нам Кугушев отдал... Вот это – вторая «матрёшка».

– Искуситель вы, Петр Всеславович. Извините за сравнение, аки змей библейский. Я теперь должен только догадываться, что вы такого с князем сделали и каким непостижимым образом заставили его раскаяться и вернуться на путь истинный. – Улыбаюсь собеседнику в ответ. – Сделайте милость, поведайте уж подробности.

– Помилуйте, Денис Анатольевич, совсем из меня злодея хотите изобразить! Это, между прочим, неподалеку, в расположении одного известного батальона могут произойти массовые захоронения шпионов или ещё что-нибудь этакое. – Воронцов находится в хорошем расположении духа и продолжает спектакль. – А мы всё больше добрым и проникновенным словом действуем...

Ага, как-то один неаполитанец американского происхождения уже говорил про доброе слово в комплекте с пистолетом. Или ещё скажет, но мысль правильная... Стоп, чего это я там пропустил?..

– ...Честно говоря, я даже не знаю, радоваться мне или бояться. Да, не удивляйтесь, но именно ваш знахарь сыграл решающую роль в деле с Кугушевым. И не только... Но обо всем по порядку. Вы в курсе истории с Оленькой, няней вашей малышки?

– Только то, что у неё в жизни была тёмная история с каким-то хозяином, вроде как он её шантажировал якобы украденными то ли деньгами, то ли драгоценностями. И что

она от него сбежала. Знать бы, где эта сволочь сейчас, съездил бы...

– В гости?.. – Воронцов снова улыбается.

– Нет, съездил бы пару раз по морде, а после, когда оклемается, поговорили бы о вечных ценностях, о смысле жизни, о том, что такое хорошо, а что такое – плохо, и почему плохо – это больно...

– Ну, я думаю, слава богу, делать этого не придётся. Поскольку вопрос решился и без вашего участия. Данный господин объявился здесь в качестве одного из поставщиков Павлова. И случайно, к сожалению, встретился с Ольгой, тут же потребовав вернуть ему долг согласно ею собственноручно подписанной бумаге. Или всё же поработать его осведомительницей и, пардон, подстилкой. Это – его слова. Он и раньше собирался подкладывать её под нужных людей.

– И что, не нашли, где его закопать? В конце концов, могли бы с тем же Дольским или Оладыным связаться.

– Видите ли, Денис Анатольевич, данный вариант рассматривался и был признан вредным. Иван Петрович и так очень многим светилам медицины и не только дорогу перешел, а если вскроется факт, что убит или пропал один из фабрикантов, желавший стать поставщиком Института, да ещё и с деньгами, пресса тут же поднимет вой, что не всё так гладко и как бы не сам Павлов приказал прибить несчастного ради каких-то выплаченных грошей. С них станется. Вспомните хотя бы случай с Сычевым. Поэтому я пошёл даже на то,

чтобы согласиться выплатить этому пауку требуемую сумму, чтобы он оставил девушку в покое. И Иван Петрович меня в этом поддержал, выдал требуемые семьдесят тысяч из личного фонда. Но в самый последний момент вмешалось Провидение в лице вашего Знахаря... На встречу с этим торгашом помимо Ольги пришла ваша супруга с докторами Голубевым и Марциновичем, документы вашему... протеже выправили на эту фамилию. Когда коммерсант озвучил сумму, я показал ему саквояж с деньгами и попросил написать расписку в том, что долг получен сполна и претензий он не имеет. И в этот момент ваш Мартьяныч, показав свою золотую «луковицу», абсолютно индифферентным тоном поинтересовался, были ли в списке украденного такие часы, как у него. А дальше с совсем другим выражением скомандовал: «Смотреть в глаза, слушать только меня!»

Денис Анатольевич, у меня от этого голоса мурашки поползли по спине!.. Дарья Александровна с доктором, очевидно, знали о таких способностях своего знакомого, поэтому быстренько вывели меня и Ольгу из комнаты. А когда Марцино... Мартьяныч через четверть часа нас позвал обратно, на столе уже лежала требуемая расписка, а заводчик дремал в кресле. Ольгу по просьбе знахаря мы отправили домой, проснувшись, клиент очень удивился присутствующей компании, вполне спокойно принял на веру сказку о случившемся у него обмороке от переутомления и отбыл восвояси. Без саквояжа... Я раньше слышал о такой штуке, как гипноз, но

на своей шкуре прочувствовать не приходилось. И не приведи Господь в будущем!..

После этого у нас с вашим знакомым состоялся серьёзный и не совсем, правда, приятный для меня разговор, но мы пришли к тому, что доктор Марцинович будет помогать нам в случаях, когда другими методами желаемого достичь невозможно...

– И случай с Кугушевым был именно таким?

– Да. Мы обеспечили только его прибытие в Москву, тихонько переняли на вокзале и привезли сюда. Дальше с ним работал Знахарь... И через неделю мы получили в свое распоряжение и архив с компроматом, и адреса работавших там девиц, и дачи с оформленными по всем правилам дарственными. И еще много интересной информации. Вот это – уже третья «матрёшка».

Кугушев поведал нам, что по просьбе «товарищей» занимался подделкой завещаний, ценных бумаг, естественно в пользу борцов за справедливость. Как вы выражаетесь, «отмывал» грязные деньги, полученные различными путями. Надеюсь, вскорости появится его связной, господин Таратута. Тогда получим ещё больше сведений. Но самое главное заключается вот в чём...

Кугушев работает в Донском земельном банке, который находится под контролем Азовско-Донского банка. Который в свою очередь в двенадцатом году вошел в группу Петербургского международного коммерческого банка... Про-

стите, бога ради, за подобные экзерсисы, но нужно пройти по всей цепочке до конца, чтобы стало понятно... На деятельность данного банка очень сильное влияние оказывали «Дойче банк», «Дисконт Гезельшафт», «Торговый дом Сименс» и ряд других. С началом войны отмечено тесное сотрудничество с французским домом Ротшильдов. С их помощью Петербургский коммерческий влияет на железные дороги, «Руссуд», «Сормово», является владельцем Николаевских верфей. О них поговорим чуть позже... Если в двух словах, князь работает в банке, прибыль от которого получают германцы и Ротшильды, причём в ущерб России. У нас с Иваном Петровичем появилась мысль, что данный банк обязательно должен обанкротиться и перейти под контроль заслуживающего наше доверие российского банка или другой финансовой структуры. И князь Кугушев, пообщавшись с доктором Марциновичем, клятвенно пообещал продумать, как это можно сделать. Так что сейчас единственная проблема – обеспечить этому господину безопасность и плотный контроль.

– Ладно, пусть отрабатывает право на жизнь и прощение. И без него дел хватает...

– Хорошо, продолжу вводить вас в курс последних событий. Дело «Императрицы Марии» можно считать оконченным...

– Раскололся Воронов?!

– До донышка. И тоже не без помощи Мартьяныча. Но

там орешек крепче оказался, да и ломать сразу нельзя было. Пришлось поэкспериментировать с «музыкальной шка- тулкой» и скополамином. Но, в конце концов, вывалил всё. Сначала назвался лейтенантом флота Его величества коро- ля Георга Джоном Хавилландом, потом, всё же признал, что имеет звание командера. Входит в состав Союзной миссии.

Основной его задачей была организация диверсии на «Императрице Марии». И занимался он ей, когда корабль был еще на стапеле в Николаеве. Причем подошел к делу с долей выдумки. Зная, что там действуют германские шпи- оны, имеющие аналогичную задачу, устроил с ними встре- чу и предложил им на время забыть о разногласиях и со- обща сделать дело, даже пообещал заплатить большую сум- му. В то время на верфь устроился работать специально при- бывший специалист по подрыву кораблей, некто фон Штит- гофф. Вот с ним-то Хавилланд и общался. Но тогда не скле- илось, мои коллеги на верфи что-то заподозрили и усилили охрану, поэтому операция была свернута... Кстати, никола- евскую группу мы взяли. Состояли в ней инженеры Верман, Сгибнев, Феоктистов и, вы не поверите, даже член городской управы некто Матвеев.

Так вот, вывести из строя корабль на стапеле не получи- лось, поэтому при наборе команды Хавилланд заменяет со- бой настоящего Воронова, которого убивает. Подмена про- исходит до формирования экипажа, так что никто ничего за- подозрить и не смог. Взорвать линкор планировалось, устро-

ив пожар в пороховом погребе одной из башен главного калибра. Помните, я рассказывал про хитрый сундучок с обувкой? Те башмаки и должны были стать запалами...

– Понятно. Про пути отхода он тоже рассказал? Явки, пароли, адреса?

– Да. Контрразведка флота до сих пор отрабатывает эти ниточки. Тщательно и не торопясь. А командер тем временем очень неохотно «пытается» вспомнить, о чем вёл разговоры с адмиралом Колчаком и офицерами линкора. Вот такие вот дела у нас, Денис Анатольевич.

– Петр Всеславович, что-то, касающееся лично меня, есть? – Общая обстановка ясна, переходим к частной.

– Есть, как не быть! Во-первых, к вам едет гость... Я имею в виду, что в батальон с инспекцией скоро прибудет генерал Потапов. Фёдор Артурович связался с ним и, ссылаясь на ваш разговор и интерес генерала к батальону, пригласил составить компанию в инспекции.

– Ясно. А реально что должно произойти? Встреча с регентом?

– Да, от результатов которой будут ясны наши дальнейшие действия. Очень надеюсь, что всё пройдет так, как надо.

– Насколько я понял генерала, ему хуже горькой редьки надоел царящий бардак. Он и с большевиками связался... у нас, там... из-за того, что те действовали конкретно и решительно.

– Дай бог, дай бог... От него сейчас зависит решение двух

очень важных вопросов. Во-первых, было бы очень здорово подключить его к разработке заговорщиков. Нам сейчас нужна любая помощь в этом вопросе. А во-вторых, Ивану Петровичу очень пригодилась бы определенная информация из лабораторий Круппа.

– Академику неймется? Хочет и здесь кого-то переплюнуть и за пояс заткнуть?

– Вот как раз за это вы, господин капитан, ему еще большое спасибо скажете. Когда начнется летняя кампания...

Нашу беседу прерывает оживший телефон, сообщивший голосом Келлера, что можно уже выдвигаться на очередное суперсекретное совещание. С некоторым даже сожалением отставляю недопитый стакан и, дождавшись, пока Воронцов закроет кабинет, шагаем на встречу «в верхах»...

Глава 6

Ну всё, наконец-то тема закрыта и разговор окончен. Можно выдохнуть и расслабиться. Тем более что Павлов и Келлер ждут за накрытым чайно-кофейно-коньячным столом, пока я окончательно не выпущу оставшийся пар вместе с никотиновым дымом. Хозяин кабинета выпроводил меня за пределы помещения, сопроводив назиданием о том, что никто из присутствующих не желает гробить свои легкие теми восемьюдесятью процентами никотина, которыми щедро и совершенно бескорыстно одаривают присутствующих некоторые неразумные юноши, упивающиеся своей вредной привычкой.

М-да-а, наш академик продолжает удивлять неожиданными кульбитами. И неизвестно, чей здесь вклад более весомый – собственно Павлова или его нынешнего «компаньона» Тимина. Эта парочка сущностей прекрасно спелась в слаженный дуэт или, если угодно, слилась в единый сплав, взяв, наверное, самое лучшее от обоих составляющих. Только вот почему-то с каждым днём этот тандем всё больше напоминает гремучий газ или бинарный боеприпас по тому абсолютно позитивному, но совершенно непредсказуемому эффекту, который они оказывают не только на «товарищей по работе», но, возможно, и на глобальные процессы в целом.

А в принципе – сам виноват. Что я, собственно, знал об

уважаемом майоре Тимине то ли в будущем, то ли в прошлом, то ли, вообще, в иной реальности?.. Типичный «пиджак», один из студентов-технарей, которые в середине – конце восьмидесятых составили курсы в некоторых военных училищах, позволив сократить дефицит офицеров в РВСН и ГУКСе, а затем в эпоху глобальных, мать их за ногу, перемен остались тянуть армейскую ляжку. Руководствуясь, по-видимому, при этом разными обстоятельствами, но в полном соответствии с фразой Пушкина «Привычка свыше нам дана, замена счастию она». Конец цитаты... В общем, используя лексикон начала века двадцатого – шпак, штрюцкий, но по иронии судьбы задрапированный в мундир. Инженер, как говорится, «от Бога», человек с добрым характером, увлекающаяся натура, но вот как офицер...

А оказывается, наш майор защитил кандидатскую диссертацию, выбрав среди списка весьма экзотическую специальность – «Приборы, системы и изделия медицинского назначения». И при этом путь к диплому был весьма тернистым. Первая попытка покорить бастионы ВАКа под штандартом «История науки и техники» была безжалостно пресечена реформой, то бишь уничтожением вузов и расформированием учёных советов. Но Тесла не сдался и, в конце концов, победил...

А теперь по порядку. Когда-то очень давно мои попытки похитить лавры иллюстраторов военно-исторических серий «Техники – Молодежи» и изобразить по настоящей

просьбе великого князя Михаила развитие униформы и оружия Красной и Советской Армии вызвали явление, определённое позже фантастами как «эффект бабочки». С легкой стрелковки моментально перешли на более тяжёлое вооружение, и, в конце концов, Михаил Александрович, поражённый перспективами ракетных систем залпового огня на поле боя, поручил, а точнее, повелел создать некую аналитическую группу, которая должна была: во-первых, тщательно просеять всю наличествующую информацию о состоянии ракетной техники и, особенно её военной ипостаси в Российской империи и у её заклятых друзей и врагов; во-вторых, представить перспективные образцы и, что самое главное, – специалистов, способных в самые сжатые сроки довести эти образцы до ума, а точнее, до боевого применения.

И, что характерно, в эту аналитическую группу вошли только Павлов и Келлер, я почему-то пролетел, как фанера над Парижем. Тогда, правда, было много других очень важных и срочных дел за линией фронта, поэтому всё быстро забылось. Но, когда на сегодняшнем Военном совете вновь всплыла задача заиметь аналог «Катюш» к началу летней кампании семнадцатого года, прошлое вспомнилось слишком нервно. Излишняя самоуверенность и несколько рюмок коньяка иногда способны испортить любую ситуацию, в этом я убедился на собственном опыте...

– Милейшие Иван Петрович и Федор Артурович, а позвольте-ка полюбопытствовать, по какой такой причине

некие «пиджак» Тимин и ефрейтор Александров не соизволили включить в список консультантов выпускника кузницы кадров для космических войск легендарной Можайки старшего лейтенанта Журова?

Павлов, сверкая лучезарной улыбкой, отвечает подозрительно виноватым тоном:

– Да-с, Денис Анатольевич, пожалуй, мы тут дали маху... Но всё еще можно исправить, тем более заручившись поддержкой суперпрофессионала из ВКС. Не будете ли так любезны поделиться с нами списочком фамилий отечественных и иностранных специалистов в сфере ракетного оружия?

– Да легко, позвольте только листок бумаги и карандаш! – Торжественно улыбаюсь, игнорируя панический вопль интуиции о том, что сейчас всё будет очень плохо. И только получив требуемое, неожиданно впадаю в ступор. В голове вертятся фамилии либо «времен Очакова и покоренья Крыма» типа Засядько, Шильдера и Константинова, либо легендарная цепочка Кибальчич, Циолковский, Цандер и Королев с его когортой ракетчиков. С иностранцами обстоит еще хуже. Перечень имен, возглавляемый Конгревом, дополняется Обертом, Годардом и траурно завершается Вернером фон Брауном, получившись, откровенно говоря, куцом.

– Ну что, господин-товарищ космонавт, огласите ваш список, пожалуйста. – Павлов преодолев лёгкое сопротивление, вытягивает листок из моей руки и, не торопясь, с чувством

комментирует его содержание. – Как говорится, иных уж нет, а те – ещё в пеленках? И кого из них можно привлечь к практической работе по созданию РСЗО?... Циолковского? Так он чистейший теоретик... Или Цандера?... А может, Сергея Павловича Королева? Так ему еще и десяти лет не исполнилось... Молчите? Хорошо, тогда говорить будем мы...

Не обижайся, Денис, но эти науки тебе в Можайке не читали. Если бы я, а точнее, Тимин не прошел через тернии адъюнктуры и не накропал с полдесятка статей по ракетной тематике периода XIX–XX веков, то, скорее всего, назвал бы те же имена. А любитель «Что? Где? Когда?» Сашка Александров, ставший теперь Фёдором Артуровичем, не написал бы, зарабатывая копейку, сотню вопросов к турнирам, посвящённым ракетам и космосу, и поступил бы аналогично. И мы не смогли бы ничего посоветовать Михаилу Александровичу. А так наши воспоминания из будущего о прошлом и настоящем позволили Петру Всеславовичу и его коллегам оперативно собрать необходимую информацию.

И даже более того... Тебе говорит что-нибудь фамилия Поморцев?... Нет? А если я уточню – генерал-майор Михаил Михайлович Поморцев?... Опять нет? Так вот, это человек гениальный и широко одаренный, крупнейший отечественный специалист в области различных летательных аппаратов и, прежде всего, замечу, ракет. И он сумел добиться реальных результатов, проводя работы на Петербургском артиллерийском полигоне, в Севастополе и на Ракетном заводе в

Николаеве. Я уже не говорю, о сотрудничестве с Котельниковым по совершенствованию парашюта и изобретении кирзы. Да, Денис Анатольевич, вам не послышалось – именно кирзы. Теперь нашим солдатакам на смех нашим «союзникам» и противникам не придётся примерять лапти.

И, самое главное, мы сумели спасти жизнь этому человеку. Работая, он не щадил себя. Приобрёл целый букет болезней – сердце, почки, печень. Нанюхался всякой гадости при экспериментах. Но, скорее всего, ему пытались помочь умереть. Как убили когда-то русского Тесла – профессора Филиппова. Надышался, понимаешь, бедняга синильной кислоты и помер. А Михаила Михайловича буквально вытянули с того света. Используя опыт Джона Абеля, мы сумели создать более мощный и эффективный аппарат, позволяющий помогать при болезнях почек. Но успели отработать методику только на собаках. Поморцев стал первым человеком, которого подключили к этому устройству. Риск был сумасшедшим, шансы на благоприятный результат составляли процентов десять. Но иного выхода не было, пришлось выбирать между неизбежной смертью и призрачной надеждой на спасение. Рискнули и победили. Правда, пришлось бросить в бой все наши наработки. И у меня, и у профессора Ижевского седых волос прибавилось...

Теперь генерал Поморцев, пополнивший наш «лазаревский список», проживает на территории Института, совмещая длительную реабилитацию с научной работой. Есте-

ственно, ко всякой опасной химии мы его не подпускаем ни на пушечный, ни на ракетный выстрел. Помогают ему несколько его опытных сотрудников, но двое из них сейчас наслаждаются мелодиями в небезызвестной вам «музыкальной шкатулке». Не сомневаюсь, что Петр Всеславович скоро выяснит, кто поручил им помочь генералу умереть – зарубежные оружейники или отечественные фабриканты-сапожники. Контракты на поставку сапог в армию десятками миллионов ведь оцениваются.

– Хорошо... Согласен... Победили... Давайте устроим перекур... Но сначала в качестве извинения... У меня в роте огневой поддержки есть прапорщик Горовский, бывший студент-вольнопёр. По специальности – химик, очень любит возиться со всем, что горит и взрывается. Программу подготовки прошел вместе со всеми, без скидок. Откомандирую его к вам, пусть поработает с генералом. И «тенью», и по прямой специальности...

* * *

Так, пора возвращаться, дел ещё много, и все вопросы так или иначе касаются моей теперь уже скромной персоны. Захожу в кабинет, академик о чем-то разговаривает с Воронцовым, Келлер приглашающе показывает на стул и придвигает чашечку свежезаваренного кофе. Павлов, заметив меня, прекращает кулуарные шепотки, и мы переходим к следующему

щему вопросу.

– Итак, Денис Анатольевич, вам слово. Вы привезли Сталина и Свердлова. Ваши впечатления, ощущения и умозаключения нам очень интересны. – Иван Петрович смотрит на меня. – От них зависит, что мы будем докладывать регенту и как будет строиться дальнейшее сотрудничество.

– Докладываю... Спектакль «Тупой, но решительный» отыграл, скорее всего – поверили. Потихоньку, намёками пытался ввести в головы мысль о возможности сотрудничества с регентом. Свердлов, возможно, поверит, Сталин – нет. Убежденный большевик, пока что в некоторых вопросах выступает максималистом. И, к сожалению, в вопросе, кому должна принадлежать власть – тоже. Очень близок с Лениным и Крупской, дорожит их мнением. Возможно, если Владимир Ильич вдруг решит, что возможность диалога с правящими кругами пойдет на пользу большевикам и теоретически это со всех сторон обоснует, то дело с мёртвой точки и сдвинется... Свердлов... Этот, скорее, хороший технический исполнитель. Классический ведомый. В теории подкован, но самостоятельности мысли, как у Сталина, нет...

– Ну так его же не просто так председателем ВЦИКа назначили, – вставляет реплику Келлер.

– Ну, Троцкого тоже вон председателем Реввоенсовета делали, а вояка из него... Хреновый – это ещё комплимент, – парирует Павлов. – Ладно... Пётр Всеславович, еще денёк им на медкомиссию, а там – работайте вплотную. И поли-

граф, и Мартьяныч. При необходимости – скополамин... Не улыбайтесь так ехидно, Денис Анатольевич, этот метод гораздо гуманнее, чем ваши изощрённые военно-полевые фантазии со всякими лопатками, ножами, ремнями и прочей амуницией. И, кстати, открою небольшой секрет – буквально на днях получил очень ценную посылочку. Килограмма три бурунданги и семена боррачero.

– ...Милостивый государь Иван Петрович, если вас не затруднит, будьте так любезны, переведите, пожалуйста, последнее предложение на русский язык. – С невинным выражением лица озвучиваю, как понимаю, общую просьбу. – А то мы как-то не успеваем за полётом мысли. Гербарием решили заняться на досуге?..

– Ну... Хорошо, Денис Анатольевич, хорошо. Считайте – уели... Боррачero – небольшое деревце, произрастающее в Колумбии, Эквадоре, Венесуэле и некоторых других странах. В переводе на русский язык – «запойное». А бурунданга – это мелко, буквально в пыль перемолотые его семена и цветки. В смеси помимо уже известного вам скополамина содержатся еще некоторые вещества, что позволяет использовать порошок, как средство зомбирования. Мне ещё тогда... ну, вы понимаете... в «Аргументах и фактах» попалась статья об этом наркотике. Проверил – оказалось так оно и есть. Правда, сейчас это снадобье используют в основном сутенёры для вовлечения женщин в занятие проституцией...

– И кого мы собрались соблазнять?

По-моему, академика в очередной раз заносит на поворотах не туда, куда надо.

– Определённую часть депутатов Государственной Думы, например... Наркотик можно подмешивать в еду или питье, даже просто распылять в лицо жертве. А прилюдно каяться и давать показания под протокол господ парламентарии должны в абсолютно товарном виде, а не со следами побоев на лице, как говорил Папанов. Вот если вдруг на кого-то не подействует, тогда уж ваш черед будет, господин капитан. Выкручивайте руки, бейте сапогами в копчики, отрезайте уши, короче – занимайтесь любимым делом.

– Хорошо, тем более что только что вы при свидетелях мне это разрешили. Пойдёте организатором преступления, – пытаюсь свести всё к банальному трёпу, обижаться надоело, да и нет смысла. – В операции «Бони М» порошок будем использовать?

– Да, Петр Всеславович возьмет с собой пяток доз. Пуришкевичу – однозначно, остальным – по обстоятельствам.

– Цель акции определена? Споров больше не будет? – Хочу услышать окончательный вердикт, а то, честно говоря, надоело эту манную кашу жевать. То надо Распутина спасать, то – не надо. То он чуть ли не святой, то кол осиновый ему в жо... в награду. То шарлатан и сволочь, то самородок супер-талантливый. Нет, я со своими могу, конечно, за пару минут взять штурмом Юсуповский дворец и при этом даже не запыхаться. Только вот кто потом юридические и прочие по-

следствия расхлебывать будет? Всё великосветское стадо такой вой поднимет, мало никому не покажется. А когти показывать ещё рановато...

– Определена, Денис Анатольевич. – Келлер кидает на Павлова мимолетно-победный взгляд. – Цель акции – заполучить в своё распоряжение мистера Освальда Райнера. Компромат на князя Феликса Юсупова и всё остальное – по возможности. Гришку мы не спасём, даже если очень постараемся. План действий продумали?

– Без рекогносцировки, только в общих чертах. Варианта два. Либо работаем возле дворца, либо – по автомобилю и его пассажирам. На практике, скорее всего, будем готовиться к обоим. Всё будет зависеть от того, где будет этот ваш Райнер. Пётр Всеславович, портретиком данного господина сможем разжиться?

– Обижаете, Денис Анатольевич. И фото, и краткие досье на всех участников имеются. Подполковник Бессонов прислал копии для ознакомления.

– Я понимаю, господин капитан, что вмешиваюсь не в своё дело... – В голосе Павлова звучит какое-то даже смущение. – Но я вас очень прошу... Постарайтесь поаккуратней с великим князем Дмитрием Павловичем. Исключительно из светских соображений...

– Я понимаю, господин академик, всю бездонность вашего отчаяния... Не волнуйтесь, Иван Петрович, аккуратненько свяжем, уложим мордочкой в снег... и даже с ложечки на-

кормим этой... как его... дурум-барангой.

– Бурундангой, старлей. И имей совесть, прекрати издеваться над старшими... По возрасту и по чину...

– Всё-всё-всё! Понял, умолкаю. А то по шее получу и подвиг свой не совершу...

– Вот и ладненько... Так, какие вопросы у нас остались?

– ...Встречи его высочества регента с генералом Потаповым и «туруханцами». – Келлер, всё это время с улыбкой наблюдавший за нашим диалогом, не торопясь и с удовольствием делает глоток кофе, отставляет чашку в сторону и напоминает о повестке дня. – Это – тоже по вашей части, Денис Анатольевич.

– Понятно. Когда приезжает Потапов?

– Послезавтра утром. Подполковник Бойко встретит его и сопровождает в расположение батальона. А дальше – вам и карты в руки. Великий князь Михаил Александрович будет у вас где-то в полдень.

– Добро. Значит, вялотекущая обзорная экскурсия по учебным местам, а потом – серьёзный разговор. С революционерами всё проще. Встреча же будет в Институте?..

– А вот и нет. Вместе с Петром Всеславовичем прогуляетесь завтра по Петровскому парку. Та Кугушевская дача, что поближе к резиденции, будет, как вы и хотели, с хроном «на всякий пожарный». Так что посмотрите, прикиньте потребности в личном составе и вооружении... – Фёдор Артурович снова смакует кофеёк, потом продолжает: – А второй

особняк будет служить местом неофициальных встреч. Вот там-то его императорское высочество и будет беседовать со Сталиным и Свердловым. На него тоже обратите внимание и проработайте план охраны и обороны...

Глава 7

Ради высокого гостя пришлось подкорректировать расписание занятий, чтобы показать наши умения и навыки по полной программе. Пользуясь личным обаянием и Высочайшим указом о развёртывании в батальон двойного состава, удалось отжать у соседей дополнительно аж целый этаж в казарме, где и разместился импровизированный учебный корпус. С оборудованными классами огневой, тактической, минно-взрывной, разведывательно-диверсионной подготовки и особой гордостью – спортзалом, половину которого занимает импровизированный татами с набивными мешками, манекенами и прочими обязательными атрибутами высокого искусства лишать жизни и здоровья ближнего своего.

Его превосходительство генерал-майор Потапов прибыл, как и было оговорено, в сопровождении Валерия Антоновича, не торопясь прошёлся по казармам, с интересом заглядывая во все помещения. С плохо скрытым любопытством выслушал мои объяснения по поводу того, зачем в каждой роте наличествует некая комната отдыха, даже совмещенная с ротной библиотекой (ну, не называть же их комнатами психологической разгрузки, не поймут-с!).

– Денис Анатольевич, я отнюдь не чужд заботам о нуждах нижних чинов, но вот это, по-моему, уже перебор. Зачем? Какое практическое назначение этих помещений?

– Во-первых, они нужны из соображений психологии. Кто-то хочет написать письмо домой, кто-то – почитать книжку, чтобы никто не заглядывал через плечо... Именно так, ваше превосходительство, в батальоне почти все грамотные. И читать любят. Во-вторых, по вечерам здесь проходят занятия по грамматике и арифметике для тех, кто хочет учиться дальше. Заведено это давно, и до сих пор недостатка в желающих не наблюдалось. Ну, и в-третьих, если мне нужно собрать, например, унтер-офицерский состав, чтобы обсудить какой-то вопрос, ротной канцелярии для этого будет маловато. А выговаривать за упущение провинившемуся так, чтобы слышали его подчиненные, считаю неправильным. В конце концов, есть Положение об учреждении унтер-офицерских собраний...

– И всё равно, Денис Анатольевич, мне кажется, вы немного переусердствовали. Не боитесь потерять авторитет командира, разводя вот такой ненужный либерализм?

– Не боюсь, ваше превосходительство. Авторитет зарабатывается в бою. А там и они не раз мне спину прикрывали, и я им...

– Ну, что ж, спорить не буду. – Генерал из вежливости сдаёт назад, но в голосе явно читается сомнение. – Идёмте дальше, господа...

А дальше мы как раз попадаем в классы, где полным ходом идут занятия. Потапову интересно всё. Разборка-сборка винтовки Маузера... Затвор, шомпол, подаватель, два болта,

ложевые кольца и, наконец, само ложе... Разборка винтовки Мосина...

— Господин капитан, объясните, пожалуйста, почему солдаты разбирают оружие с завязанными глазами и на время? — Потапов кивает на очередную пару бойцов возле стола.

— Отработка навыков до автоматизма. Если применительно к боевой обстановке... Например, нужно одновременно перезарядить оружие и при этом неотрывно следить за окружающей обстановкой. Или в кромешной темноте. А время — в бою секунда может стоить жизни... Да и соревновательный запал неплохой, что тоже сказывается на обучении...

Тактическая подготовка, отработка на «участке местности» прорыва обороны противника с помощью деревянных солдатиков, вырезанных бригадой местного таланта Платоши Ковригина... Генерал внимательно изучает висящие на стенах плакаты со схемами организации засад...

Минно-взрывное дело... Уже привыкший к офицерским погонам недавний студент Илья Буртасов как всегда вежливо объясняет бойцам порядок действий при закладке мины:

— Взрыватель нажимного действия, собственного изготовления. Представляет собой вот такой картонный коробок наподобие спичечного, внутри которого находятся две спаянные друг с другом ампулы. Между ними в специальную щель вставляется обрезанный вот под таким углом огнепроводный или детонирующий шнур, идущий к капсулю-детонатору. При раздавливании ампул их содержимое смешивает-

ся с образованием пламени, огонь передается через шнур на капсуль... Примерно вот так... – Илья кладет собранное устройство на массивную металлическую плиту, опускает сверху на коробок тяжеленный утюг. Еле слышный хруст стекла, тоненькая струйка дыма, шипение шнура и, как апофеоз – громкий хлопок КД-шки. Все воспринимают происходящее привычно и спокойно, только Потапов с непривычки еле заметно вздрагивает от звука...

В спортзале народ уже закончил разминаться и всю «убивает» друг друга. Второй взвод разведроты играет в «эстафету». Правила очень просты: три человека выстраиваются друг за другом на расстоянии метров пять. Четвертый делает кувырок вперед и встаёт, оказываясь прямо перед первым стоящим, который тут же бьёт его ножом в живот. Нужно провести прием и кувыркаться дальше, ко второму, который уже метит лопаткой в шею. Обезвредить и – следующий кувырок, после которого надо защититься от укола штыком и отобрать винтовку. После чего стартует следующий боец. Играют два отделения, причем, судя по крикам, играют очень азартно. Оно и понятно, победители делают круг почёта по залу верхом на побеждённых.

Его превосходительство внимательно наблюдает за происходящим, у меня даже возникает ощущение, что он пытается оценить готовность бойцов к проведению какой-то акции. Во всяком случае, то, что он сегодня увидел, ему, безусловно, понравилось. Собирается ещё раз предложить мир,

дружбу, жвачку? И против кого дружить будем?.. Нет, ваше превосходительство, это вам минут через – надцать сделают предложение, от которого вы вряд ли сможете отказаться...

Возвращаемся в казарму, по пути в канцелярию на глаза попадаются Михалыч с Митяем, усиленно делающие вид, что ничего особенного не происходит. А так как они здесь, то и ещё кое-кто тоже присутствует. Только слегка инкогнито. Сопровождаемая персона ни количественных, ни цветовых изменений не заметила, нас хоть и причислили к гренадерскому корпусу, всем разрешено повседневно носить свою родную форму, поэтому увеличение количества казачьих лампасов остается незамеченным.

Берусь за ручку двери, открываю и пропускаю вперед Потапова, затем захожу сам и, выручая застывшего как столб генерала, выдаю в эфир:

– Ваше императорское высочество, разрешите присутствовать!..

Великий князь Михаил прекращает разглядывать что-то из окна и оборачивается к нам:

– Здравствуйте, господа...

– Здравия желаю, ваше императорское высочество! – исполняем дуэтом с генералом и застываем в ожидании дальнейших указаний.

– Садитесь, ваше превосходительство. – Регент уже занял «командирское» место во главе стола. – Господин капитан, распорядитесь, чтобы нам не мешали, и возвращайтесь.

Выхожу в коридор, сигналю Михалычу «Контроль» и возвращаюсь обратно.

– Удивлены столь нетривиальным приглашением к беседе, Николай Михайлович? – Великий князь, вежливо улыбаясь, ждёт, когда гость успокоится и окончательно придёт в себя. – Дело в том, что по ряду причин не счёл возможным официально афишировать randevu... Вы, наверное, не хуже меня знаете положение дел в армии и империи. Положение тяжёлое, но я бы не сказал, что критическое, как об этом кричат... разные ораторы из лже-патриотов, якобы страдающих о судьбе России. И для исправления ситуации мне нужны люди, всей душой болеющие за Державу. К какому отношу вас и большинство ваших коллег по Генеральному штабу. Даже несмотря на то, что в моем распоряжении имеются сведения о дружеских отношениях некоторых с нелояльными власти людьми... – Великий князь делает паузу, глядя на молчащего генерала, затем озвучивает воспоминания «энциклопедиста» Келлера: – Я имею в виду некоего врача-эпидемиолога Михаила Сергеевича Кедрова, в данный момент находящегося на Кавказском фронте и занимающегося революционной пропагандой вместо исполнения своих прямых обязанностей. И его родственника Николая Ильича Подвойского...

– Ваше императорское высочество! – Потапов уже оправился от неожиданности. – С вышеназванными персонами меня связывают лишь дружеские отношения, никоим обра-

зом не влияющие на исполнение мною служебных обязанностей!

– Николай Михайлович, я вам верю. Иначе сегодняшнего разговора просто бы не было... Вы, как и многие офицеры, искренне, замечу, болеющие за судьбу страны, готовы пойти на сотрудничество даже с самыми отъявленными революционерами ради спасения России?.. Знакомы с «Размышлениями о Франции» графа де Местра? Полагаю, что – да. У него есть один тезис, как нельзя лучше подходящий к нашей беседе. Не буду цитировать дословно... Идея в том, что когда страна находится на пути к полному развалу, замечу, искусственно создаваемому предателями с помощью извне... Так вот, когда страна находится на этом гибельном пути, никакой консерватизм, по мнению графа, уже не может спасти положение. И только революционное движение, причем крайне радикальное, может создать новый, скажем так, центр силы, навести железный порядок вместо анархии и бесконечной болтовни и скрывающихся за ней ничегонеделания и саботажа... Не эта ли решимость пойти до конца так привлекает трезво мыслящих людей, осознавших реальное положение дел?.. Только не рано ли списывать со счетов ныне существующую власть? Хоть те же думские болтуны и говорят об этом уже никого не стесняясь. Но вы же – не эксцентричный фигляр, постоянно эпатирующий своих коллег по трибуне, а блестящий офицер, делом доказавший преданность Престолу и Отечеству. Поэтому я и обращаюсь к вам

с вопросом – готовы ли вы в трудную минуту помочь Фамии, которой присягали?..

– Готов, ваше императорское высочество!.. Но... – Потапов встаёт и вытягивается, отвечая на вопрос регента, затем на мгновение осекается и непроизвольно бросает на меня взгляд.

Великий князь Михаил понимающе чуть кивает головой и обращается уже ко мне:

– Господин капитан, оставьте нас. Я вызову вас позже.

Выхожу, плотно закрыв за собой дверь. Разговор у них там сейчас будет серьёзный, так что пара минут на перекур у меня есть... Обратно меня зовут только через четверть часа. Обстановка в кабинете вполне спокойная и благожелательная. Значит, господин генерал согласился...

– Николай Михайлович, капитан Гуров состоит при мне офицером по особым поручениям и является моим доверенным лицом. Он более детально ознакомит вас с теми вопросами, которые нужно решить... Господа, благодарю вас и более не задерживаю...

В целях конспирации мы идем осматривать имеющуюся технику и тяжёлое вооружение батальона, дабы дать возможность его высочеству исчезнуть так же незаметно, как он и появился.

– Ну, Денис Анатольевич, признаться, такого поворота событий я не мог предугадать при всём желании. – Потапов доброжелательно улыбается, но глаза остаются насторожен-

ными. — Лихо вы меня обошли...

— Прошу простить, ваше превос...

— Денис Анатольевич, мы же ещё в прошлую встречу договорились не злоупотреблять казёнщиной!

— Простите, Николай Михайлович, вы же сами, как опытный разведчик, знаете, что такое конспирация. В ту нашу встречу я не имел права ничего говорить. И решения принимаю не я...

— Да, конечно же понимаю... И понимаю также то, что ваш батальон, стоит только великому князю Михаилу Александровичу отдать приказ...

— Так точно. И не только мой батальон. Отдельный корпус генерала Келлера, расквартированный здесь же, делает то же самое. И обучаются там так же, как и здесь. Это то, что я знаю точно. — Вопрос предвиделся, и ответ на него обсуждался заранее на заседании «триумвирата». — Помимо этого есть еще надёжные части и на фронте, и в тылу.

— Хорошо... Что именно могу сделать я? Его императорское высочество поручил вам передать определенные задания для... моих подчинённых.

— Всё зависит от того, обладают ли ваши подчиненные такими возможностями. Если в двух словах, во-первых, необходим выход на лаборатории господина Круппа, а именно на тех, кто занимается ракетами, во-вторых, опять-таки, если это возможно, нужны все связи господина Рафаловича с французскими финансовыми кругами и не только. Очень

скоро он будет дезавуирован как официальный финансовый агент Российской империи. Есть большие подозрения, что работает он не для страны, а на неких баронов с красными щитами. И, в-третьих, нужна помощь в распутывании клубка связей думцев, промышленников, банкиров и прочей нечисти. Типа кто, кому, куда, зачем и сколько...

– М-да, интересные вопросы вы мне подкидываете... Я так понимаю, немедленный ответ не требуется, но и промедление опасно... Вы когда в Петроград?

– Через несколько дней. Экзамены ведь на носу.

– Сразу по приезде свяжитесь со мной. И, кстати, вы сами того не подозревая, помогли мне решить один вопрос. При эвакуационном управлении, коим я заведу, будет создан отдел... Как его назвать официально – я придумаю. А на деле он будет заниматься проведением разведывательных мероприятий в близком тылу германцев. И, сами понимаете, лучшей кандидатуры, чем капитан Гуров, я не вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.